

ПРИКОСНОВЕНИЕ ЛЮБВИ

Тимофею 1:14 “Благодать же Господа нашего (Иисуса Христа) открылась во мне обильно с верою и любовью во Христе Иисусе”.

Все мы, когда-либо испытывали любовь. Никто, нигде, как бы одинок он или она не был, не может избежать прикосновения любви. Если вы думаете, что это не так, тогда назовите мне человека, никогда не наслаждавшегося теплыми лучами солнца, чистотой ласкового дождика или красотой обычного цветка? Это все знаки любви, ниспосланные нам нашим небесным Отцом. Большинства из нас эта любовь коснулась особым образом, и порой, практически, невозможно распознать в этих прикосновениях Божью благодать. Она, может быть, спрятана или сокрыта от нашего разума и наших сердец. Подумайте над этим. Какое бы определение вы дали:

- ?? Вашей вере в Бога
- ?? Вашей вере в Иисуса Христа как вашего Спасителя
- ?? Святому Духу как Дару Христа
- ?? Любящей, понимающей, всегда готовой прийти на помощь и поддержать, благодарной супруге (такой как Нана)
- ?? Особенному благославлению детьми
- ?? Особенному благославлению внуками
- ?? Настоящим друзьям, всегда готовым прийти на помощь
- ?? Пастору, который вас вдохновляет, и гостеприимным и доброжелательным прихожанам вашей церкви.

Список наших личных, интимных и незабываемых моментов, когда мы ощущали прикосновения любви, можно продолжать до бесконечности. Единственное, что ограничивает нашу возможность перечислить их – это наша неспособность распознать и запомнить эти моменты, как прикосновения любви.

Единожды познав Божью благодать, живя, ощущая ее, и меняясь благодаря ей, мы учимся наслаждаться приятными моментами, раз за разом перебирая их в памяти, и делиться ими с ближними. Каждый раз, когда мы протягиваем руку и дарим прикосновение любви другим людям, неважно, как бы тяжело это не было, мы сами получаем ответную частичку этой любви. Ноа, милость Божья была для меня сложной концепцией, чтобы просто понять и принять ее. Мне всегда больше нравилось давать, и я чувствовал себя не в своей

тарелке, получая что-либо, даже Божью благодать. Сейчас, когда я знаю, что это такое, я научился с благодарностью принимать ее. Мне также приходится каждый день бороться с собой, чтобы не относиться к милости, ниспосланной мне Господом, как к должному.

Послание Корифянам 8:1 “Уведомляем вас, братия, о благодати Божией, явленной нам”.

Когда я пишу эти строки, я молюсь, чтобы мой опыт соприкосновения с проявлениями любви, которые были ниспосланы свыше мне и моей семье, поможет вам распознать милость Божью. Чем скорее вы сделаете это, тем скорее вы сможете начать благодарить вашего небесного Отца (то, что люди частенько забывают сделать в благодарность за Его прикосновения). Мое сердце будет также разбито, если ты не поделишься милостью Божьей, оказанной тебе, с другими. Ноа, одно предостережение, пожалуйста, никогда не полагайся на Божью благодать, чтобы спастись от собственной глупости. Я пишу это, чтобы ты знал, что я прожил эту жизнь благодаря милости Божьей, и, возможно, меня не будет рядом, чтобы рассказать тебе эту историю. Хотя, здесь я не совсем искренен. Скорее всего, я не смог бы рассказать тебе всей правды, потому, что твой дед чересчур чувствительный, и он не может говорить и плакать одновременно (я никогда не думал, что слезы делают мужчину менее мужественным). Я хочу, чтобы на примере ниспосланных мне прикосновений любви, ты узнал не столько обо мне, но о милости Божьей. Поскольку я не слишком хорошо знаю Священное Писание, чтобы дать тебе представление о Божьей благодати, я постараюсь на примере этих историй объяснить, что “все, что я знаю, это то, что прикосновение любви изменило все, что я знаю”.

Глава 1: Джон Клайн

2 Послание Коринфянам 12:9 “ Но Господь сказал мне: “довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи””.

За последние пятьдесят пять лет я узнал, кто я такой и кем я не являюсь. Я благодарен одному из тех бесчисленных прикосновений любви, ниспосланных мне, за то, кто я есть и что я имею, нежели чем сожалею и печалюсь о том, кем бы я мог стать и что мог бы иметь, хотя, я уверен, что если бы мне представилась такая возможность, то свои детские и юношеские годы я прожил бы по-другому.

Когда твой отец покажет тебе домашние видео записи моих детских лет, ты увидишь, что я был не слишком красивым ребенком.

Возможно, именно поэтому, я старался делать вещи, в большинстве своем неправильные, для того, чтобы привлечь внимание к себе, а не чтобы показать как, я одинок. Ноа, я хочу, чтобы ты знал, что я не горжусь многими поступками, которые совершал, и конечно же я не хочу, чтобы ты подумал, что, раз я прожил жизнь, совершая эти ошибки, то и ты можешь быть таким же глупым и эгоистичным, каким был я, и повторять мои ошибки. Помнишь, когда я сказал: “Никогда не полагайся на милость Божью, чтобы спастись от собственной глупости”? Людям в инвалидных колясках, на кладбищах и с разбитыми сердцами пришлось убедиться в этом на собственном горьком опыте. Иисус просил нас не искушать Господа Бога, но благодарить Его. Он также пообещал быть рядом, чтобы прощать и утешать нас (в своей манере), если мы уверуем.

У меня и в мыслях нет рассказывать о каждом плохом поступке, совершенном мною. Приводы в полицию, кражи, ложь и обман - это не совсем то, о чем хочется рассказать своему внуку, но тем не менее это те краеугольные камни, которые легли в основу моей личности, и, только прикосновение любви, спасло меня от падения на самое дно. Когда мне было лет 12-13, я вырос за год на девять дюймов. Росту во мне было шесть футов и пять дюймов, а весил я не более 155 фунтов. Я был настолько тощим и неловким, что, когда я поворачивался боком, я выглядел словно застежка-молния, пытающаяся стоять ровно. Еще хуже было то, что у

меня изо рта торчал клык, так что я мог грызть кукурузу с початка через металлическую заборную сетку, не задевая проволоки.

Сначала, школьные занятия давались мне с трудом. Если бы я учился в школе сейчас, то скорее всего был бы переведен в класс для отстающих. Я так медленно читал, что всегда страшно смущался, когда меня вызывали к доске, чтобы прочесть что-нибудь перед всем классом. Я ненавидел то, что мне гораздо труднее справляться с заданиями по чтению, по сравнению с другими, и я пытался решить эту проблему. В скором времени я разработал свои приемы подготовки школьных заданий: сплошной обман всех и вся. Ложь и неправда шли рука об руку с подделкой, но когда и это не помогало, я принимал вид оскорбленной невинности. Так было со всеми предметами, за исключением математики, которая давалась мне легко. Можешь себе представить, что на уроках математики я всегда был учеником номер один. Большую часть времени, вместо того, чтобы трудиться, я прикладывал усилия к тому, чтобы избежать работы. Как и большинство детей в этом возрасте, я искал внимания окружающих. Моя проблема заключалась в том, что искал я совсем не там.

Мой отец умер, когда мне было двадцать восемь лет. К сожалению, я был еще слишком молод и частично слеп, чтобы осознать, как сильно он любил мою мать, брата, сестру и меня. Он, как и Иисус, любил меня не из благодарности или потому, что он хотел получить что-то взамен. И хорошо, что он любил меня не из-за этого, потому что, когда дело доходило до благодарности, я всегда делал что-нибудь не так. В мои юношеские годы, он наверняка был страшно разочарован во мне, но я не помню ни одного раза, чтобы он хоть как-нибудь показал мне это. Мой способ отблагодарить его и мою мать за все их прикосновения любви состоял в краже их денег и в том, чтобы врать им практически обо всем.

В четырнадцать лет, я стал заниматься атлетической гимнастикой в спортзале нашего местного отделения Христианского союза молодых людей, где я познакомился с Джоном Клайном, добровольцем, работавшим бесплатно. Он видел насквозь меня и того, кем я хотел казаться, и как мой Небесный Отец и мой папа, он видел того, кем я мог бы стать. В следующие три года, Джон одаривал меня и моего лучшего друга Тома Фьюджета большими дозами суровой любви, и в то же время учил нас совершенствовать наши тела при помощи весов. Три вечера в неделю и большинство суббот

Джон проводил в спортзале, и каждый раз мы тоже были там. Джон профессионально занимался культуризмом. Он принимал участие в отборочных соревнованиях на звание “Мистер Вселенная”, но не смог пройти отбор из-за своего небольшого роста, который составлял всего пять футов и один дюйм (по меньшей мере на четыре дюйма короче, чтобы всерьез претендовать на это звание). Он обладал практически идеальным телосложением даже спустя несколько лет после участия в отборочном туре. Представьте себе такую картину: меня с моими шестью футами и пятью дюймами, обладающего “огромным” весом в 165 фунтов (выглядевшим еще более “привлекательно” со ртом, полным скобок), вместе с моим другом, Томом, регулярно работающими на тренажерах вместе с Джоном. На протяжении следующих трех лет под руководством Джона, Том и я, значительно укрепили наши тела. Первый раз в своей жизни я был доволен тем, как выгляжу. Я набирался уверенности в своих силах, чтобы поддерживать самооценку на должном уровне. И что гораздо более важно, глядя на Джона, и учась на его примере, я понял, что мой образ жизни (обман, воровство, использование преимуществ обретенной силы) был неправильным. Это прикосновение любви от Джона послужило хорошим толчком и как раз в нужное время. Бог всегда точен. К сожалению, Джон лишь дал мне правильное направление, с которого я не раз сворачивал в последующие годы.

Я не щадил себя на работе, чему научил меня отец. Я научился этому от моего отца. Практически единственной возможностью подработать для тринадцатилетнего подростка была разноска почты, но я имел постоянных клиентов, для которых косил траву или убирал снег с участков. Однажды был сильный снегопад, и к шести часам (обычное время начала занятий в спортзале) снега выпало примерно на фут и конца этому не предвиделось. Школьные занятия закончились рано, и Том провел остаток дня перед тренировкой у меня. Моя мать всегда готова была принимать моих друзей, хотя мы никогда не ставили ее в известность заранее. Том и я решили пойти на тренировку, не дожидаясь, пока прекратится снег. Затем, мы собирались всю ночь не ложиться спать и убирать снег. Когда мы пришли в спортзал, мы были удивлены, увидев там Джона. Он сидел один за своим маленьким, разваливающимся, подержанным столом, просматривая фотоальбом. В тот вечер, вместо тренировки, Джон задал работу нашему разуму и нашим сердцам. Во время Второй

Мировой войны он работал фотографом, и был приписан к пехотному подразделению, ответственному за освобождение пленных из двух самых ужасных немецких лагерей смерти. Джон, через объектив своей камеры видел и снимал зверства, которые мы можем сейчас видеть в специальных передачах по телевидению, фильмах, таких как “Список Шиндлера” и в музее, посвященного жертвам Холокоста. Мы провели три часа, слушая истории Джона и просматривая альбом, глядя на ужасные картины, с каждой фотографией становящиеся все более и более страшными. Я не помню, чтобы Джон в тот день говорил о Боге или Иисусе, но, именно тогда, я получил свой первый настоящий урок жизни и смерти. Тот вечер наложил на мое сердце отпечаток, который помог мне осознать, что Господь любит меня и имеет планы на мою жизнь. Тогда же я понял, что в моей жизни не было моментов, чтобы Иисуса не было со мной (хотя много раз я был не с Ним). Также, в тот вечер, Иисус Христос осенил меня прикосновением любви, которое я не забуду никогда. “Все, что я знаю, это то, что прикосновение любви навсегда изменило все то, что я знаю”.

Позже, мы никогда не обсуждали то, что увидели и почувствовали тем вечером. Всю ночь мы разгребали снег (каждый из нас заработал по \$120 - большие деньги для 1958 года). Хотя в то время я и не подозревал, что тот вечер положит начало моей новой жизни, изменившейся от Его прикосновения.

Более сорока лет я носил с собой фотографии, сделанные Джоном, и вопрос в своем сердце. В ноябре 1999 года, Ивона Дроздек, новое проявление Его любви, сопровождала меня в поездке по Польше и в Аушвиц. “Где был Господь, когда все это происходило” вот, вопрос, который лежал у меня на сердце. Ответ на него я получил в тот день. Он был там, как и обещал. Он приносил успокоение тем, кто любил Его. Я покинул один из самых страшных концлагерей, полный умиротворенности, потому что Его присутствие там все еще ощутимо.

Джон уже умер. Я пытался отослать эту историю его жене, но по какой-то причине, она отказалась дать свой адрес Вере. Помимо моей семьи, первыми людьми, которых волновало, чтобы во мне проявилось все то, чем Господь одарил меня были мой учитель в 5 и 6 классах, Мистер Иссерман, и Джон. Поначалу они были чужаками, которые рискнули помочь тому,

кто вряд ли отблагодарил бы их или смог предложить что-нибудь взамен.

Ноа, я поехал и навеситил Мистера Иссермана и поблагодарил его. Я также собираюсь послать ему и Миссис Клайн копию этой истории. Я надеюсь, что услышав слова благодарности, на которые они даже не рассчитывали, эти замечательные люди поймут, что их старания не пропали, а передаются дальше.

Глава 2. ЛАЛА

1 Письмо Корифянам 1:4 “Непрестанно благодарю Бога моего за вас, ради благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе”.

Я уже говорил тебе, что не могу припомнить ни одного момента, когда Иисус не был бы рядом со мной, и я только что понял, почему. Лале, моей бабушке (матери моей мамы), нужно воздать должное за то, что она познакомила меня с Иисусом, когда я был очень молод и навсегда привила моему сердцу любовь к Нему. Я хочу рассказать тебе немного о ней. Лайл Уэллс была самой лучшей бабушкой, и даже это определение не полностью отражает то, насколько замечательной она была. Лала и мой дед развелись, когда у них было трое детей. Он унаследовал восьмую часть “Уэллс Компани”, и, наверное, думал, что пришло время расслабиться. Лала, она настаивала, чтобы мы ее так называли, вырастила двоих мальчиков и девочку практически без помощи моего деда, который и близко не подходил на звание “самого лучшего”. Я думаю мой отец мало с ним общался, скорее всего, из-за того, как дед обращался с его матерью.

Старший сын Лалы, Фриц, страдал от остеомиелита, который в то время не поддавался лечению. Лале пришлось похоронить Фрица, когда тому было девятнадцать. Позже, я был рядом, когда она хоронила свою дочь, Хоуп, и моего отца. Несмотря на нелегкую и, в основном, одинокую, жизнь, Лала всегда была рядом с ее особым видением прикосновений любви. Когда я смотрю на твою Бабушку (в данном случае бабушка должна писаться с заглавной буквы), мне видится Лала с ее бескорыстной любовью и желанием поделиться всем, что у нее есть, с внуками. Она могла сосредоточиться на одном из них, и этот ребенок становился единственным, что имело для нее значение. Лала воспитывалась в строгой, но заботливой семье методистов в Мемфисе, и сделала все возможное, чтобы передать все, чему ее учили, своим детям и внукам. Должно быть, ей было сложно проследить, чтобы ее дети ходили в церковь. Клан Уэллсов был католиками, а она была матерью-одиночкой, которая никогда не обучалась вождению. Лала умела простейшую вещь заставить казаться

своим внукам чем-то особенным. Качание на ее ноге или поездка вместе с ней на автобусе в город, субботним утром, всегда были особенными из-за ее особого прикосновения любви. Время от времени, мы ездили на такси, и, тогда, Лала создавала такую атмосферу, что, казалось, мы едем на огромном лимузине с личным шафером. Только после смерти моего отца я понял, почему она не водила машину. Она просто не могла себе позволить иметь ее, хотя щедро давала деньги на карманные расходы. Все, что она давала своим четверем внукам, она отрывала от себя. Я был очень расстроен, когда узнал, сколь мало денег она тратила на себя. Всякий раз, когда я пью чай, то вспоминаю, как меня, ещё будучи ребенком, во время болезни навещала Лала. Как только она узнавала, что один из ее внуков плохо себя чувствует, она, несмотря на погоду, шла к нам за два квартала, от её однокомнатной квартиры. Она готовила чай и тост с корицей, убирала подгоревшую корочку и резала его на части. Затем, она устраивалась на краешек кровати, и могла сидеть так часами, пока я не засыпал. Много раз, во время нашего чаепития, она дарила мне милые вещицы, например, карманные часы “Таймекс” или фонарь, чтобы я чувствовал себя лучше, и это срабатывало.

Меня никогда не волновало, разочарую ли я своих родителей, их шлепки причиняли лишь физическую боль, но я не мог расстраивать Лалу. Если она наказывала нас, то использовала для этого сухое полотенце, которое не причиняло боли... но несмотря на это все же ранило (хотя и не физически). Знание того, что своими действиями я заставил ее отшлепать меня, причиняло мне душевные муки. И, хотя она никогда не говорила этого, она наверняка была страшно разочарована, когда мой отец застукал меня в табачном магазине, в одно воскресное утро, когда я, по идее, должен был находиться в церкви. Лала давала мне 50 центов, на пожертвования. Я шел в церковь, заходил и брал программку, чтобы доказать, что я был на службе, а затем выходил через другую дверь, и, с деньгами, что я должен быть оставить в церкви, шел играть на пинбольной машине в табачный магазин Бекера. Каждая игра стоила пятицентовик. Когда вошел мой отец, у меня в кармане было 45 центов, при наличии 35 сыгранных “бесплатно” партий. Он сказал мне: “Иди в машину”, и тут я, не подумав, брякнул абсолютно не то. Я стоял в углу магазина, держа ножки игровой машины на носках своих ботинок, чтобы шарик скатывался помедленнее,

и заявил ему в ответ: “Подожди минутку, я почти разорил эту машину”.

Всю оставшуюся часть дня я провел, сожалея о своем поступке.

Лала умела превратить праздник в нечто особенное. На каждый день рождения, до тех пор, пока нам не исполнилось десять лет, она дарила своим внукам по одному доллару за каждый год, но не это делало праздники такими запоминающимися. Лала никогда не ходила на скачки и не играла в азартные игры, тем не менее, каждый день рождения она дарила нам билеты на участие в бегах, стоимостью по два доллара каждый, чтобы мы могли делать ставки на скачках. Например, когда нам было 7 лет, мы получали три билета по два доллара и один доллар купюрой. Она говорила нам, что эти билеты являются счастливыми, потому что люди используют их, чтобы выиграть деньги, делая ставки на лошадей. Я молюсь, чтобы мне хватило времени, и я успел оказать на тебя такое же положительное влияние, какое оказывала на меня Лала. В память о ней и ее прикосновениях любви я всегда ношу с собой двухдолларовый билет. Всякий раз, когда я достаю деньги из своего бумажника, они напоминают мне о том, как дорог я Господу, частично благодаря воспоминаниям о безвозмездной любви, которую Лала дарила мне. Я никогда не смогу в точности объяснить, насколько особенными были ее прикосновения любви, иногда описываемые как абсолютная любовь. Чтобы ты лучше меня понял, я бы сравнил любовь Лалы с любовью Наны к тебе. Я молюсь, чтобы она, в отличие от бабушки твоего отца, была рядом, и увидела тебя, вступающим в брак перед лицом Господа, с той, которую Он выберет для тебя. Ноа, в этом месте, я бы не хотел, чтобы у тебя сложилось превратное представление, будто любовь Наны к тебе - это единственный пример беззаветной любви. Любовь, которой одарил нас Бог, абсолютна, и лучший пример этого - Иисус Христос, которого Всевышний направил к людям. Еще один хороший пример - это самоотверженное желание Христа отдать свою жизнь на кресте за тебя, за меня, за всех людей... безвозмездно.

Если ты согласишься посмотреть домашнюю кинохронику, то увидишь Лалу. А еще лучше, просмотри записи, которые мой отец снимал на кинокамеру, и которые я переписал на видео, и, возможно, в один из вечеров, мы посмотрим их вместе. Я познакомлю тебя с Лалой. Может быть, ты даже увидишь, как она качает на ноге твоего отца, давая ему почувствовать

нечто особенное, как она это делала со мной двадцать лет назад. Лала показала мне на своем примере, какой абсолютной может быть любовь, хотя мне кажется, что Нана даже превзошла эту науку. Когда я вижу ее с тобой, мое сердце наполняется радостью и любовью, и это напоминает мне о беззаветной любви Лалы. Я знаю, что это была милость Божья, ниспосланная мне, также как любовь Наны явилась благодатью для тебя. Нам с тобой очень повезло с такими бабушками.

Глава 3.

Святой Дух

1 Послание Корифянам 15:10: “Но благодатию Божию есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна”.

Самый большой дар, который мы получили от Бога– это сам Господь в образе Иисуса Христа. Иисус так любил нас, что взял с собой на крест наши грехи, обещая нам спасение и даруя искупление. Вот это “Прикосновение любви”! Перед тем, как вознестись на небо, он оставил нам друга, заступника, проводника и постоянное напоминание о Его любви. Этот последний дар известен под многими именами. Я же знаю его как Святого Духа. Он давно вошёл в мою жизнь, но я не сразу это понял. Впервые осознав чье-то незримое присутствие я подумал, что это Бог. Я догадываюсь, что в реальности это был Отец, Сын и Святой Дух, действующие заодно. Да, три в одном, но каждый играет свою роль в нашей жизни.

В 20 лет со мной произошло четыре несчастных случая, в каждом из которых я мог погибнуть. Позже я расскажу тебе о самом первом (он случился в тот день, когда я получил водительские права). Второй, чуть не стал для меня последним, когда я отправился на яхте вместе с подружкой, ее отцом и еще одним молодым человеком. Родители Джинни никогда не любили меня (и у них была но то веская причина) из-за того, как я с ней обращался. Джинни, я и вправду очень сожалею о том, как я с тобой обходился; это одна из тех немногих вещей в моей жизни, которые мне хотелось бы исправить.

Я думаю у ее родителей были другие планы на то, с кем должна встречаться их дочь. Будь я на их месте, я бы хотел того же. За три года, в течение которых мы то расставались, то снова сходились, я каждый раз предлагал ее отцу помощь при строительстве лодки, которым он был занят (прикидывался невинной овечкой). Если я не ошибаюсь, лодка была длиной приблизительно в 30 футов. Он строил ее в полуподвальном помещении, пока она не стала такой большой, что пришлось пробивать огромную дыру в стене подвала, чтобы лодка прошла в нее, затем тащить ее наверх в гараж и закончить работу. Что бы я не делал, как бы сильно я ему не помогал, это не заставило его полюбить меня сильнее, а я не собирался готовить или делать уборку, чтобы

произвести на ее мать хорошее впечатление. Мы не встречались в то время, когда ее отец, наконец, спустил лодку на воду. Позже, вновь сойдясь с Джинни, я получил приглашение от ее отца прокатиться на лодке (возможно, он планировал выкинуть меня за борт, где-нибудь вдалеке от берега). До этого моя нога не ступала ни на одну лодку, но я чувствовал себя в воде как дома, и, возможно, в роли хорошего матроса, я понравился бы ему больше. Когда мы пришли на пристань, там было пустынно. Скорее всего мы просто проглядели знак штормового предупреждения (ошибка номер 1), но синее небо и сильный ветер, были то, что надо. Мы забрались на борт и отдали швартовы, не надев спасательные жилеты (ошибка номер 2).

Гавань в Кеноше была построена во времена Депрессии с двумя волноломами, расположенными примерно через сто ярдов друг от друга и идущими прямо на восток в озеро. Порывы западного ветра достигали скорости 30-40 миль в час, а моряками мы были аховыми. Мы были настолько неопытны, что забыли опустить выдвижной киль, перед тем как поставить парус (ошибка номер 3).

Если ты когда-нибудь станешь опытным моряком, то поймешь, что с таким экипажем несчастный случай просто не мог не произойти. Нашу лодку выстрелило словно из пушки в пространство между двумя волноломами на простор озера Мичиган. Сначала я думал, что будет весело, но, когда мы миновали маяк службы береговой охраны, на конце одного из волноломов, отец Джинни увидел предупреждающие сигналы для малых судов и понял, что нужно плыть обратно. В то время мы уже заметили на большой воде волны высотой 10-15 футов. Штормило так сильно, что люди из береговой охраны думали, будто никто не осмелится выйти в озеро в такое время. Поэтому-то на вышке никого в тот момент не было. Прежде чем мы пришли в себя, лодка удалилась от берега на полмили. Когда мы с полным парусом и поднятым килем стали разворачиваться на 90 градусов к ветру, лодка перевернулась. Опрокинувшись, лодка ударила отца Джинни мачтой по голове, но, оказавшись в воде, я успел подхватить его. Прежде чем мы осознали, что произошло, мачта уже указывала прямо вниз, и мы барахтались на воде, словно бутылочные пробки. Спасательных жилетов на нас не было, все они находились в каюте, которая уже успела скрыться под водой, а я был единственным, кто умел плавать. Я подтащил всех к корпусу лодки, передал Джинни ее отца, чтобы она

поддержала его, пока я ныряю за спасательными жилетами. В каюте я обнаружил лишь три из четырех жилетов, которые должны были там находиться. Пока то да се, ветер гнал нас все дальше и дальше от берега. По прошествии двадцати минут как мы плыли, держась за перевернутую лодку, я решил двинуть к берегу за помощью (это должно было стать большущей и самой последней ошибкой в моей жизни). Как только я стащил с себя рубашку и туфли, и приготовился плыть к берегу, мы оказались на гребне очередной волны. Я оттолкнулся от лодки, и в этот самый момент увидел катер береговой охраны, направляющийся в нашу сторону. Спустя несколько секунд, я был уже так далеко от лодки, что практически выбился из сил, пока догонял ее. Как только мне это удалось, я выхватил свою рубашку у Джинни, вскарабкался на лодку и принялся размахивать ею и кричать, чтобы привлечь внимание.

Много чего еще случилось в тот день, с того момента, как мы увидели катер, и, когда уже спасенные, плыли к берегу. В тот день нас выручило только Божье провидение. Какой-то неизвестный, пьяный, бездомный человек был на краю волнолома, и видел, как мы проплывали мимо. Он в тот же миг протрезвел и бросился на станцию береговой охраны. Он потратил несколько минут, чтобы убедить людей в том, что он на самом деле видел опрокинутую лодку. Благодаря его настойчивости, спасатели вышли наружу и увидели пустое место на пристани, где обычно стояло наше судно. Они завели катер и отправились на наши поиски. После того, как они отплыли, мужчина ушел, и больше его никто и никогда не видел.

Однажды, когда ты будешь у нас в гостях, попроси Нану показать тебе вырезку из газеты, рассказывающую про тот случай (я думаю Нана все еще хранит ее) с моей фотографией на первой странице. Они написали, что я был героем..., что спас человеческие жизни, но это было не так. Прикосновение любви, явленное тогда, через того незнакомца и было настоящим героем. Кстати, после того дня, меня всегда принимали в доме Джинни с расprostертыми объятиями.

Хочешь верь, а хочешь нет, все остальные происшествия, случавшиеся со мной на протяжении следующих нескольких лет, приходились на этот же самый августовский день. В августе 1962 года, я работал помощником профессиональных игроков в гольф в "Нипперсинк Кантри Клуб". Я только что

улучшил свои жилищные условия, переехав из спальни простого служащего, в комнату для помощников. После обитания в одном помещении с незнакомыми парнями, было так здорово получить свою собственную комнату. Тот факт, что я должен был проходить через все помещение для профессионалов и полуподвальный этаж, чтобы принять душ, меня нисколько не смущал. Однажды ночью, когда я сладко спал, я услышал голос, который сказал мне: “Вставай и пойдешь что-нибудь съешь”. Почувствовав, как чья-то рука тормозит меня во сне, я поднялся, и, не одеваясь, и не раздумывая, пошел в столовую. Как только я вышел из комнаты, огромная ветка дерева влетела через зеркальное стекло размером в шесть квадратных футов, под которым находилась моя кровать. На самом деле подоконник был одной с ней высоты. Сила ветра, ворвавшегося через разбитое стекло, была такой, что, когда я попытался войти в комнату, дверь захлопнулась прямо перед моим носом, и мне пришлось приложить значительное усилие, чтобы открыть её и увидеть, что же все-таки произошло. Когда я кое-как попал внутрь и включил свет, то увидел располосованную подушку и несколько больших осколков стекла, которые торчали прямо из моего матраса, проткнув одеяло и простыни. Тогда-то я впервые осознал чье-то присутствие в своей жизни и понял, что Святой Дух и вправду существует. Прикосновение любви коснулось и потрясло меня.

В 1964 году, сразу же после того, как мои родители приобрели дом неподалеку от Нипперсинка (где был гольф-клуб, в котором я работал) я купил у них “Шевроле Импала” 1962 года выпуска. Я снова улучшил свои жилищные условия, переехав к ним в дом. У меня был собственный вход, и я мог приходить и уходить, когда мне вздумается. Чаще всего вечерами я задерживался допоздна. Я помню, как отец однажды сказал мне: “Если я еще раз уйду на работу прежде, чем ты вернешься домой, тебе придется подыскать себе другое жилье”. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы найти решение этой проблемы. Все что мне было нужно – это приходить домой в 5 утра, потому что отец всегда уходил на работу в 5:30. Однажды ночью (на самом деле ранним утром) я совершил по-настоящему глупый и неправильный поступок. Я сел за руль, будучи в сильном опьянении. Из всех неправильных поступков, которые я совершал, этот был самым ужасным, из-за того, что мои эгоистичные, бездумные и глупые действия могли поставить жизни других под угрозу.

Одно дело, когда страдаешь ты сам, но когда страдают невинные люди, это уже преступление. Не важно, что я делал что-то неправильное, может быть смертельно опасное – Святой Дух не оставил меня, когда я садился в машину, и подсказал мне пристегнуть ремень безопасности. Раньше я никогда не пристегивался, но в тот раз я сделал это, не раздумывая. Когда я ехал по мосту Фокс Ривер на шоссе номер 50, я заснул за рулем. Моя машина вылетела с дороги, в тот самый момент когда я проехал западный конец моста. Я проснулся, почувствовав, что моя машина скользит вниз по насыпи, которая была настолько крутой, что не будь на мне ремня, меня отшвырнуло бы в салон, подальше от руля. Благодаря тому, что я был пристегнут, я мог держаться за руль и вести машину к низу насыпи, пока настолько не замедлил движение, что смог вернуться обратно на шоссе. Ноа, пожалуйста пойми, что я рассказываю тебе эти истории не потому, что горжусь ими, или потому что мне хочется, чтобы ты думал, будто милость Божья может защитить тебя от собственной глупости, эгоизма и самонадеянности. Я просто делюсь с тобой осознанием того, как могущественна милость Божья, даже когда она оказана такому недостойному человеку. Я также молюсь, чтобы тебе, когда ты прочтешь это, было легче разглядеть дар Святого Духа, когда он сыграет свою роль в твоей жизни (я молюсь, чтобы понимание снизошло на всех, кто читает эти строки). Ноа, сделай, пожалуйста, мне одно одолжение: “Не искушай Господа нашего”, и не уподобляйся мне, совершая подобные поступки, требующие Его прикосновений любви, чтобы защитить тебя от себя самого.

Глава 4:

Нана

2 Послание к Фессалоникийцам (Солунянам) Святого Апостола Павла 2:16 “Сам же Господь наш Иисус Христос и Бог и Отец наш, возлюбивший нас и давший утешение вечное и надежду благу во благодати”.

Мне было 15, когда я в первый раз встретил Нану. Мы оба пришли на танцы, проходившие каждую пятницу по вечерам в здании Христианской Ассоциации Молодых Людей. Я увидел ее с другой стороны переполненной танцплощадки. Мой лучший друг Том заметил ее в то же мгновение, что и я. Она была новенькой в городе, и самой красивой девчонкой, которую я когда-либо знал. Увидав ее, я сразу понял, что в ней есть что-то особенное, и мои чувства к ней сегодня также сильны, как и сорок лет назад. Ни я, ни мой друг Том, так и не набрались смелости пригласить ее на танец, не говоря уже о свидании для себя. Поэтому я подошел к ней и сказал, что мой друг хочет пригласить ее сходить куда-нибудь. Так или иначе, несмотря на такое неуклюжее начало, Том и она стали встречаться, в то время, как я ходил с лучшей подругой Наны, чтобы только быть поближе к ней. В процессе наших встреч, я обращался с ее подругой не очень хорошо, что, конечно, не добавляло мне баллов в глазах Наны.

Примерно через год, после того, как они с Томом прекратили встречаться, я набрался смелости и пригласил Нану на свидание. Я не мог поверить, когда услышал в ответ: “Да”. Наше первое свидание проходило во время школьного бойцовского матча (Нана описывает его, как “безопасное свидание”). Это был первый и последний матч по борьбе, на котором я присутствовал. Я предполагал, что атмосфера матча напугает Нану, и я смогу проявить свое мужество. По какой-то причине, я (а, возможно, что и не я) выбрал именно это место и время для нашего первого свидания. После того, как мы немного посмотрели на соревнование, я сказал Нане: “Хочу, чтобы ты стала матерью моих детей”. Я не помню ее реакции на эти слова или ответа. Когда я рассказывал эту историю много лет спустя, она сказала мне, что подумала в тот момент: “Ну надо же, еще один папаша выискался!” Я был влюблен..., испытывая то самое чувство, которое дается немногим, и всего один раз в жизни. Я знал, что Нана станет любовью всей моей жизни и на всю оставшуюся жизнь. Ей

потребовалось немного больше времени, чтобы осознать это. Я почувствовал прикосновение любви, и я знаю, что это был Бог, который взял в тот день контроль над ситуацией в свои руки. Мы встречались каждый вечер на протяжении трех или четырех месяцев, не пропуская ни одного дня, чтобы побыть вместе. Она любила танцевать, я же не мог выносить громкую музыку и ненавидел танцы. Поэтому, вечерами я подвозил Нану до дискотеки, а сам шел играть в бильярд, пока не закончатся танцы. Затем, я возвращался назад, поджидал ее, и мы шли куда-нибудь перекусить, а потом я провожал её домой. Не очень-то романтично это звучит, но то время, когда мы находились порознь, помогло выработать нам уважение и доверие друг к другу и к нашим желаниям. Это также помогло нам понять, что нельзя ограничивать свободу друг друга, когда любишь. Старая пословица права, когда говорит: “У тебя есть только то, что ты можешь позволить себе потерять”.

Мы встречались на протяжении всей нашей учебы в школе. Никто не мог понять, что она во мне нашла. Том, которого все знали, просто не был достаточно хорош для нее; но они не знали какой был Том с Наной. Прикосновение ее любви навсегда изменило все то, что я знал, и того, кем я был.

После того, как я окончил школу, я не захотел поступать в колледж, к большому сожалению своих родителей (я так никогда и не узнаю, как или почему они мирились с моими выходками). Я выбрал работу помощника профессиональных игроков в гольф в “Нипперсинк Кантри Клаб” примерно в тридцати милях от дома. Но мы с Наной ухитрились продолжать наши отношения. Мы были в разлуке гораздо дольше, чем во времена танцев и бильярда, но все равно оставались вместе. Ни у меня, ни у Наны не было машины, но мы умудрялись видеться друг с другом два-три раза в неделю, когда я мог брать машину у приятелей. Но этого было недостаточно. Мне нужна была своя собственная машина. Когда в том году сезон игры в гольф подошел к концу, я устроился на работу во “Франк Л. Уэллс Компани”, чтобы заработать достаточно на машину, и, чтобы скопить деньги на следующий летний сезон в гольф клубе. В первое лето я зарабатывал 80 долларов в месяц, плюс чаевые и плата за уроки игры в гольф. Я уже говорил тебе, что Нана сильно изменила меня. Если бы я не хотел видеть ее каждый вечер, мне бы не так хотелось заполучить машину. Я бы не работал механиком, чтобы на нее заработать. Я бы никогда не узнал,

как прекрасна жизнь, прожитая вместе с Наной. И, наконец, я никогда не увидел бы тебя!

Я точно не помню, когда купил обручальное кольцо и признался в том, о чем знал с той самой первой встречи на танцах. И так же, как тогда, когда я предложил ей пойти вместе на матч по борьбе, она ответила “Да”. С этого момента и по 9 октября 1965 года у нас были и ссоры и размолвки. В большинстве случаев в этом была моя вина, действительно моя! Мы трижды разрывали нашу помолвку. И каждый раз из-за того, что я делал что-нибудь не так. Последний раз я отнес обручальное кольцо в ломбард и обменял его на часы. Я благодарю Бога, за то, что он любит меня так сильно, что Он не дал сказать Нане “Да” в тот июльский вечер, когда я в очередной раз просил ее выйти за меня. Нана поступила умно; в тот вечер она не дала ответа. Она сказала, что должна все обдумать, и чтобы, я снова задал ей этот вопрос в следующий раз, когда мы пойдем вместе ужинать. Я думаю, что сердцем она уже дала согласие, но мне она тогда этого так и не сказала. Во время следующего ужина Нана приняла мое предложение, но в этот вечер все было по-другому. Мы назначили дату. До сих пор у Наны нет обручального кольца, но я планирую купить его ей на золотую свадьбу.

Я никогда не забуду первый день нашей совместной жизни. Мы не могли себе позволить медового месяца. В понедельник я должен был возвращаться на работу, а Нана собиралась взять отгул.

В то воскресенье мы отправились к зеленщику и купили пять тележек, забитых под завязку всем необходимым, чтобы наполнить нашу квартиру. Пока мы были в магазине, нашу машину угнали. Но я запомнил тот день на всю жизнь вовсе не поэтому (Нана не верит, что я помню такие вещи, но я могу даже сказать, во что она была одета в тот первый вечер, когда я увидел ее). Самое главное, что осталось в памяти от того дня, это то, как мы вдвоем строили вслух наши планы на будущее. “Я постараюсь много работать и сделаю все возможное, чтобы Нана могла оставаться дома с шестью детьми, о которых мы мечтали” (как будто мы могли это решать). Мы верили, что сможем сделать это, если я буду зарабатывать \$9000 в год. Несмотря на то, что у нас родилось трое детей вместо шести, мы старались придерживаться наших планов. Я старался на работе, а Нана стала лучшей матерью, какую только мог пожелать себе ребенок, и лучшей женой и другом, чем я когда-либо мечтал.

В этой части истории, я хотел бы поведать тебе, как мы обратились к Господу, и вложили в его десницу нашу судьбу, но это значило бы, что я соврал тебе. Этого я не сделаю никогда.

Нас венчал пастор Наны, тот же самый человек, который крестил и причащал ее. К несчастью, он хорошо знал и меня. Когда-то я встречался с его дочерью, но мы расстались плохо. Я никогда не узнаю, хотел ли он лучшего супруга для Наны, когда венчал нас. Я догадываюсь, что да. После женитьбы мы посещали его церковь, но вскоре он ушел на покой, и лютеранская церковь стала для Наны не такой, как раньше. Мы пробовали ходить и в методистскую церковь, где я когда-то был допущен к причастию, но выбирали сон до полудня в воскресенье. Вообще, мы перестали посещать церковные службы, и я задвинул Бога и Христа на самую дальнюю полку, словно какую-то абсолютно ненужную безделушку, чтобы была, на всякий случай. С глаз долой, из сердца вон, как это ни печально.

Нана проработала два года. Мы откладывали каждое заработанное ею пенни, а жили на то, что я приносил домой. Спустя одиннадцать месяцев мы купили наш первый дом... 900 квадратных футов. Спустя еще год, мы решили увеличить количество членов нашей семьи. А еще через год родился твой отец. Я работал по 68 часов в неделю в "Уэллс Компани" и получил сертификат механика, что и по сей день остается моей единственной официальной квалификацией. Я также сдал экзамены на звание профессионального игрока в гольф по классу А, но не смог заплатить \$200, чтобы получить удостоверение. Как раз перед свадьбой, я решил, что не хочу больше быть наемным работником, а хочу быть полноправным членом гольф клуба. Твоя Нана должно быть сошла с ума, согласившись выйти замуж за человека, который не только уволился с работы, но и загубил свою карьеру. Каким-то образом, она всегда знала, что у нас все будет хорошо. Она была полна веры в будущее, и вся светилась любовью.

Я молюсь, чтобы ты принес хотя бы половину той радости в жизнь твоего отца с матерью, какую дал нам твой отец в первые два года своей жизни. В это время, я пережил свою вторую операцию на спине (у меня удалили еще два диска), а у Наны был выкидыш, и это волновало ее сильнее, чем меня. Я сожалею, что не уделял должного внимания ее чувствам в то время. Я продолжал жить, словно ничего не произошло, и

вскоре Нана вновь забеременела Кристиной. Когда она родилась, я опять не смог сдержать слез радости. Пожалуйста, пусть у нас будет еще четверо! Неважно мальчики или девочки, сейчас у нас уже есть по одному и тех и других.

Продолжение следует.

Глава 5:

Мать и Отец

2 Послание Корифиянам 4:15 “Ибо всё для вас, дабы обилие благодати тем большую во многих произвело благодарность во славу Божию”.

Какое терпение и любовь были у них! Я люблю своих родителей. Много раз я совершал такие поступки, которыми нельзя гордиться, и за которые меня невозможно было любить, но мать с отцом никогда не показывали этого.

Я всегда был высокого роста, и до того, как мне исполнилось 14 лет слишком тощим. Когда мне было шесть или семь лет, меня заставляли носить ужасные очки, да еще и закрывали при этом правую линзу, чтобы справиться с проблемой “ленивого глаза”. Что за видок у меня был! (Когда захочешь по-настоящему повеселиться, взгляни на старые семейные фотографии того периода).

Мой отец был мастером - инструментальщиком и штамповщиком. Это была почетная, но не слишком оплачиваемая работа, и он не мог позволить себе вкладывать деньги или иметь сбережения. У семьи его отца деньги водились, но он не хотел от них ни цента. Скорее всего, развод его родителей и то, как семья отца и он сам действовали против его матери, развело их по разные стороны. Я не очень уверен, потому что ни моя мама, ни отец, ни Лала никогда не заговаривали об этом. В 1950 или 51 году отец решил отправиться в Калифорнию, чтобы открыть собственную мастерскую по изготовлению инструментов. Он считал, что в Калифорнии у него будет больше возможностей, но его работодатель, мистер Люмберг, уговорил его работать на “Уэллс Компани”. Этим заводом по производству оборудования для изготовления продукции из проволоки владела семья его отца, начало которому положил еще его дед. Он работал там, пока в мае 1972 года не вышел на пенсию в возрасте пятидесяти пяти лет. Он начал терять зрение, когда ему было сорок восемь, и ко времени его ухода, практически 90% зрения было потеряно. Я никогда не слышал, чтобы он жаловался на слепоту, либо еще на что-нибудь. Я также не знаю, мог ли он как следует разглядеть, как прекрасны его внуки. В последние два года своей жизни точно нет. Менее чем за два года до того, как его не стало, мы в последний раз охотились с ним вдвоем на оленя. Впервые, я

отправился вместе с ним на охоту за фазанами, когда мне было девять, а через год мы уже ходили на оленя. Своего первого оленя я убил в одиннадцать, и отец сделал из него чучело. То самое, которое стоит сейчас в мастерской. Каждый год, за исключением одного раза, мы охотились на оленей. Нам всегда было хорошо вдвоем. Я чувствовал, что на охоте отец относится ко мне, как к равному. Я никогда не забуду ту ночь, когда мы заночевали в старой полуразрушенной охотничьей избушке. Я наблюдал за тем, как отец вместе с Томом Фоксом (в честь, которого меня называли) танцевали вокруг пузатой печки, и так хохотал, когда они провалились вниз сквозь прогнивший пол. Что это была за ночь!

Это была наша последняя совместная охота. В тот день, мы, как обычно, вышли из дома за два часа до рассвета. Густые облака делали ночь особенно темной. Отец шел к своему любимому холму, расположенному примерно в двух милях от дороги. Я же следовал за ним на расстоянии в милю. Охотились мы по-разному. Я передвигался рывками, то замирая на одном месте, то следуя дальше. Он же всегда стоял на своем холме. Со своего места он за тридцать пять лет убил тридцать оленей (не могу винить его за это, отличный результат).

Мы охотились с шести до девяти утра, а затем пошел снег. Стало по настоящему ветрено, и температура сильно упала. К десяти часам я практически ничего не мог разглядеть кругом, и поэтому направился к отцовскому холму. Я добрался туда к десяти тридцати, и, когда до него оставалось примерно десять ярдов, я увидел, как он стоит, держась одной рукой за ствол своего любимого ружья, приклад которого был наполовину в снегу. Рука, сжимавшая ружье, была покрыта снегом толщиной в шесть дюймов. Отец не видел и не слышал, как я подошел к нему, но я этого не знал. Приблизившись к нему на расстояние нескольких футов, я сказал: "Давай пойдем, а то я ничего не вижу, и становится холодно". Я всегда знал, что отец может стоять, практически не шевелясь на этом холме, поэтому меня не удивило, что его рука присыпана снегом. То, что я открыл для себя позже, разбило мне сердце, и я почувствовал такую близость к отцу, как никогда раньше. Взяв ружье у него из рук, я решил разрядить его, прежде чем заводить машину, но обнаружил, что оно не заряжено. В тот день он вообще не заряжал его, потому что не мог видеть, во что стрелять. Отец боялся, что примет меня за оленя. На том холме он простоял несколько часов, зная, что ни в кого не

выстрелит. Охота всегда была для него важным событием. И глядя, как он борется со своей слепотой, я понял насколько большое значение он ей предавал. Хотя я думаю, что тогда, для него более важным было просто побыть со мной.

Первый раз за все те годы, что мы охотились вместе, я помог ему спуститься с холма неподалеку от озера Коффи, проводил его до машины, и мы отправились в охотничий домик. Мы никогда не говорили об этом утре..., и иногда я очень об этом жалею. Хотел бы я снова пережить этот день. Назавтра я подстрелил-таки своего оленя. Отец на охоту не пошел, сказавшись больным.

Когда я пишу это, я гадаю, о чем же он размышлял тем утром, когда четыре с половиной часа стоял на холме с разряженным ружьем. Молился ли он или просто разговаривал с Богом? Хотя знаешь, это одно и то же. Мой отец был настоящим мужчиной. К несчастью, я не понимал этого тогда, и после его смерти еще долго не воздавал ему должного.

Когда мне было примерно девять, мы переехали вверх по улице в дом, которому насчитывалось сто лет. Следующие десять лет, я помогал отцу перестраивать большую часть дома. Фактически, это было единственное время, которое мы проводили вместе, за исключением охоты. Я многому научился у него, на самом деле больше, чем от любого другого мужчины. Я не могу сказать от “кого бы то ни было”, потому, что Нана тоже многому меня научила. Когда я стал работать на “Уэллс Компани”, отец выучил меня на механика, инструментальщика, инженера, техника по обслуживанию, менеджера и, что более важно он дал возможность проявиться талантам, данным мне от Бога. Мне очень повезло с отцом. Сожалею, что пока он был жив, я не давал ему много поводов гордиться собой. Может быть, когда он смотрит на меня с небес, он гордится мной и считает, что ему повезло. Я молюсь, чтобы это было так.

Моя мама была прекрасной матерью; практически такой же хорошей, как и Нана. Она, также как Нана, была настоящей красавицей и никогда не пыталась ставить свои желания и требования, выше чьих-то других. Много раз кто-нибудь из нас приводил с собой друга или подругу, не поставив ее в известность заранее. И всегда для них находилось достаточно еды, даже если ей приходилось потом есть то, что осталось со вчерашнего дня.

Я крал у нее деньги и потом врал, что не делал этого. Не знаю сколько раз я разочаровывал ее, совершая такие поступки,

или, что еще хуже, разбивал ей сердце, но она как и Иисус или отец блудного сына... всегда любила меня и готова была меня простить. Кстати, она никогда не спускала мне мои кражи и обманы. Она призывала меня к ответу, хотя знала, что я все равно солгу ей, и в очередной раз разочарую.

После того, как я женился, она сделала так, чтобы Нана почувствовала себя одной из ее дочерей. Как-то она рассказала Нане о своем неудачном замужестве в 19 летнем возрасте (не уверен, что она рассказывала об этом своим собственным детям). Нана и я проводили с ней много вечеров вместе до, и после того, как умер мой отец. Однажды, она показала Нане прощальную записку, которую я им написал, когда в шестнадцатилетнем возрасте собрался бежать из дому. Все эти годы она хранила ее в своем бумажнике, и даже не сказала мне, что сберегла ее. Я был удивлен, но это только доказывает, каким глупцом я был. Конечно же, мать всегда сохранит что-нибудь в этом роде.

Когда мне было шестнадцать, я ушел из дому, оставив на прощание эту записку. Я направлялся во Флориду (сам не знаю почему), чтобы начать самостоятельную жизнь. Я собирался содержать себя сам, и поэтому намеревался получить работу в торговле строительными материалами. В моем кармане было 312 долларов, которые я снял со счета, открытого много лет назад моими родителями. Вообще-то у меня не должно было быть доступа к этим деньгам, пока мне не исполнилось девятнадцать лет, но банковский служащий не поинтересовался моим возрастом, а сам я не стал разубеждать его. По крайней мере, мне не пришлось врать, чтобы получить эти деньги, большинство из которых я заработал прошлой зимой, убирая снег. Я уходил из дома не потому, что мои родители злились на меня, принуждали меня к этому или плохо со мной обращались. Я убежал не потому, что я только что порвал со своей девушкой. Я уходил, потому что жаждал самостоятельности. Я просто не любил, когда мне говорили, что и как надо делать. В школе мне было скучно... это было слишком легко, никакого вызова моим способностям, хотя я и старался выбирать самые трудные предметы (я довел до совершенства свои методы обмана, хитрости и способы, как прикинуться невинной овечкой). Что касается отца с матерью, то их ранили не столько мои ложь, кражи и ужасное поведение, а скорее незнание того, где находится, и что делает их ребенок. В последний раз перед побегом из дома меня арестовали за то, что я продавал пиво

несовершеннолетним (в то время употреблять алкоголь можно было только по достижению 18-летнего возраста). Когда, поздним вечером, полицейские вызвали моего отца, чтобы узнать, собирается ли он вносить залог или приедет утром, чтобы забрать меня, он поинтересовался, за что меня задержали. Ему объяснили. Тогда он сказал, что мне всего пятнадцать лет, и что, я сам несовершеннолетний, и не могу продавать что-нибудь другим несовершеннолетним. Полицейский, подвёз меня до дома и прочел целую лекцию (наступило время, когда в городе уже выключали огни, поэтому отец заставил отвезти меня домой).

Затем, у меня состоялась долгая беседа с отцом (по мне так лучше уж было провести ночь в участке). Я был благодарен Господу за то, что полиция пришла к выводу, будто работник магазина посчитал меня совершеннолетним и поэтому продал мне пиво. Если бы они обыскали меня, то нашли бы мое поддельное удостоверение личности.

Спустя пару недель мне исполнилось шестнадцать, и, после того, как в течение трех недель я три раза проваливался на экзаменах по вождению, я наконец-то получил права. Чтобы дать мне возможность первый раз самостоятельно поводить машину, отец послал меня с каким-то поручением. Я ехал за грузовиком, который брызгал водой с мокрого шоссе мне на лобовое стекло, и как мне казалось, еле тащится. Естественно, при первой же возможности, я пошел на обгон. Я сидел за рулем “Форд Стейшн Вэгон” выпуска 1957 года, с самым мощным двигателем, который только выпускала эта компания. Съезжая с холма, при обгоне грузовика, я глянул на спидометр. Я ехал со скоростью 90 миль в час и думал: “Я сделал его!”.

И конечно же, я забыл пристегнуться. Поворачивая руль, чтобы перестроиться в свой ряд, я слишком резко его крутанул. Из-за своей неопытности я вертел им из стороны в сторону, чтобы хоть как-то выправить положение. Машину повело, она вышла из под контроля, съехала в кювет и три раза перевернулась. Когда машина, наконец, остановилась, то обнаружилось, что она перевернулась вверх тормашками. Я лежал на спине, глядя на обивку крыши, а руки изо всех сил сжимали руль. Единственное, что я запомнил, так это слово, которое вырвалось у меня во время аварии (я не буду называть какое, скажу лишь, что оно начинается с буквы “д” и состоит из шести букв). Поняв, что не пострадал, я попытался выбраться наружу. Все двери заклинило, и мне пришлось

пробивать путь наружу силой. Выбравшись из кювета, я увидел водителя грузовика, который подошел посмотреть, не нуждаюсь ли я в помощи, и затем отвез меня на ближайшую ферму. Когда я позвонил домой, чтобы рассказать, что же со мной произошло, трубку взял мой отец (я надеялся что это будет моя мама). Он спросил, все ли со мной в порядке, и я ответил, что все хорошо. Я рассказал ему, что произошло, и что случилось с самой машиной, опустив все детали. Мать и отца это очень огорчило. По своему родительскому опыту я могу судить, что не машина так расстроила их. Они волновались из-за того, что могло со мной случиться. Вы бы видели их лица, когда они смотрели на то, что осталось от машины. Зато, придя домой, я услышал от брата все, что он обо мне думает. Он был по-настоящему зол на меня. Этим вечером у него было назначено свидание, а у нас была всего одна машина, так что я поломал ему и машину и планы.

Но вернемся назад, к моему побегу из дому... До Чикаго я добрался по железной дороге, как много раз до этого с Лалой. Там мне пришлось долго ждать поезда на Флориду и, чтобы как-то занять паузу, я позвонил девчонке, которая жила в этом городе, и с которой я познакомился на озере Дьявола (как-то раз мы с Томом прошли девяносто миль, чтобы добраться туда. Мы не захватили с собой денег, а из вещей у нас были только футболки и джинсы, натянутые поверх плавок. Мы пробыли там пять дней, зарабатывая деньги тем, что устанавливали палатки другим людям, а сами спали в душевых кабинках, накрывшись сверху газетами. Я расскажу тебе эту историю, когда мы вместе пойдем на рыбалку).

Когда она пришла на вокзал, то постаралась отговорить меня ехать во Флориду. Когда ей это не удалось, она тем же вечером позвонила моим родителям и рассказала, в каком поезде я еду. Они сообщили в полицию, и та сняла меня с поезда, когда тот сделал остановку в Джексоне, штат Теннесси. Я играл в покер с пятью или шестью мужиками, которые раздели бы меня догола, не появившись полиция (я был не таким хорошим игроком в покер, каким себя мнил). Полицейские не только сняли меня с поезда, но и отобрали у мужиков все деньги, которые те у меня выиграли. Когда меня доставили в участок, они первым делом позвонили отцу и передали мне трубку. Он спросил, готов ли я приехать домой. Я сказал, что нет. Он попросил к телефону офицера. В следующее мгновение я очутился в изоляторе с рулоном туалетной бумаги вместо подушки. Спустя семнадцать часов, мой отец,

глядя на меня через решетку задал мне тот же самый вопрос. И снова я ответил “нет”. На этот раз, он сказал мне следующее: “У тебя есть всего два выбора: отправиться домой и жить по нашим правилам, пока ты не окончишь школу, либо заканчивать свое образование в школе для трудных подростков!” Не нужно быть мудрецом, чтобы понять, какой выбор я сделал. Мы отправились домой, и, практически, не разговаривали все семнадцать часов, что заняла у нас дорога. Когда я писал эти строки, я первый раз за всю мою жизнь, я задумался о том, что было на душе у моего отца в тот вечер. Всю ночь он ехал без передышки, чтобы забрать меня. Я знаю, что бы я чувствовал, окажись на моем месте твой отец! Я также гадаю, приходило ли ему в голову попросить меня посидеть за рулем по пути домой. Он ехал туда и обратно без остановок.

Мой отец умер через три дня, после того, как у Кристины обнаружили болезнь Неймана-Пика. Он умер так и не узнав, подвержен ли твой отец этой болезни или нет. Он любил твоего отца. Однажды, когда ты будешь смотреть домашнюю хронику, то увидишь его лицо, излучающее любовь, когда он отпускает ручки твоего отца, который только учится ходить, или когда он катает внука на своем автомобиле.

Сразу же после его смерти, я принял на себя заботу о матери и решил содержать ее до конца жизни. Это было в 1972 году. Она покинула этот мир в 1994. За эти двадцать два года, мы с ней настолько сблизились, насколько это вообще возможно, точно также, как Нана с твоим отцом близки сейчас. Мы с мамой вместе радовались, огорчались, играли в гольф и проводили вместе отпуск (как-нибудь расспроси Нану о нашей поездке на рыбалку в Канаду). Мы предлагали ей жить с нами, но она и слушать об этом не желала. Она говорила, что лучше будет жить в северном Висконсине, в доме, построенном моим отцом незадолго до его кончины, специально, чтобы жить в нем на пенсии. И она жила там, несмотря на долгие длинные зимы и летнюю жару. Она работала на нескольких работах, говоря своим детям, что ей просто нужно чем-то себя занять. Но это было скорее необходимостью, потому что ранний уход на пенсию и преждевременная смерть моего отца, не позволили ему оставить достаточно денег на ее безбедное проживание. Также как Лала, она никогда не говорила своим детям, как мало было у нее средств к существованию. Когда, за несколько лет перед ее смертью, скончался ее отец, он оставил ей приличную сумму, чтобы она могла жить полной

жизнью. Наконец-то, мама могла работать “только лишь потому, что ей так хотелось”. Сын, который лгал и воровал деньги своей матери, был теперь облечен доверием использовать ее средства по своему усмотрению. Мама сделала меня своим финансовым поверенным, и дала мне право вкладывать ее деньги туда, где по моему мнению, они могли принести прибыль. За все эти годы, она ни разу не потребовала от меня финансовых отчетов, либо справки из банка о состоянии счета....только мать способна таким вот образом выказать свое доверие и любовь.

За пять лет до смерти у нее обнаружился рак. Она боролась с ним, не давая ему послабления, так же как она поступала со мной, зная, что я ей лгу. В это время Господь познакомил ее с Джимом. Он был на пять лет старше ее, но все еще в хорошей форме. Джим жил в пятнадцати милях от ее дома, и они частенько виделись. Все начиналось как хорошая шутка, но в скором времени, они по-настоящему полюбили друг друга. Однажды в октябре, мама позвонила мне и сказала, что становится холодно, а обогреватель Джима не работает. Она объяснила, что он собирается ставить новый только следующей весной. Мама хотела знать, что я думаю по поводу того, что Джим немного поживет у нее. Ей было 72 года, а Джиму около 80, и она спрашивала у меня разрешения жить с мужчиной, за которым она не была замужем. Она сказала, что женитьба будет морокой, и что придется возиться со многими бумагами. Я оборвал ее затянувшиеся оправдания и сказал, что Джуди и я можем только порадоваться за нее. Я сказал, что мы увидимся на Рождество, и надеемся что увидим там Джима. Следующей весной, когда я помогал Джиму устанавливать гаражные ворота в его доме, я спросил его, почему он не отдаст этот дом детям, а сам не переедет жить к моей матери насовсем. Джим ответил, что если бы он знал, что умрет раньше моей матери, то он бы так и поступил, но если первой этот мир покинет она, ему будет некуда идти. Печально, что люди на закате своей жизни должны думать об этом и планировать все таким образом. Моя мама умерла прежде, чем поженились твои родители, но на свою свадьбу они пригласили Джима. Будь уверен, они покажут его тебе на групповой фотографии, снятой во время церемонии.

Все свою жизнь я знал, что мои родители любят меня, также как и Иисус, что они всегда рядом и готовы меня простить. Но за первые сорок пять лет своей жизни, я не разу не могу припомнить, чтобы мать или отец сказали: “Я люблю тебя”,

также как не могу припомнить себя, говорящего то же самое. Ноа, пожалуйста, не совершай подобной ошибки. Никогда не принимай чью-либо любовь, как должное. Будь настоящим мужчиной, таким как Иисус. Скажи им, что любишь их, особенно своей жене, детям и конечно же родителям. Когда Нана и я воспитывали своих детей, мы постарались не допустить подобной ошибки. Мы всегда говорили им, что любим их, и очень часто обнимались, чтобы быть ближе друг другу. Я никогда не забуду момент, когда мы отвозили твоего отца в студенческое общежитие при колледже. Я не хотел смущать его своими объятиями, и после того, как он поцеловал на прощание мать, и когда наступила моя очередь говорить “до свидания”, я протянул ему руку. Но вместо того, чтобы пожать ее, он крепко обнял и сказал, что любит меня. Я уверен, что другие тоже слышали это, так как сказано было громко, но для него это не имело никакого значения. С этого момента, расставаясь, мы всегда говорили друг другу: “Я люблю тебя”. Я молюсь, чтобы ты поступил точно также со своим отцом, когда он первый раз повезет тебя в колледж.

Когда врачи впервые обнаружили рак у моей матери, меня стало волновать то, что мы никогда не говорили вслух о нашей любви. Я также ни разу не слышал, чтобы она говорила, что принимает Христа, как нашего Спасителя, и это волновало меня еще больше. Я помнил, что мой отец работал в церковном приходе, но не мог припомнить, чтобы моя мама появлялась в церкви. Будучи детьми, нам предоставили выбор, где бы мы хотели, чтобы нас окрестили. Родители моей матери были евреями, а отца – католиками. Лала принадлежала к методистской церкви. Я не могу припомнить, чтобы церковь многое значила для моей матери, когда я был ребенком, но я знал, что последние два года своей жизни, она посещала методистскую церковь неподалеку от ее дома в Висконсине. Однажды, я написал ей письмо, которое завершил вопросом: принимает ли она Иисуса, как своего личного Спасителя? (у меня не хватило мужества спросить ее напрямую или по телефону).

Спустя три недели и несколько телефонных разговоров, я так и не получил ответа на свой вопрос. Я еще больше стал бояться спрашивать ее об этом, потому что страшился получить отрицательный ответ, и не знал, хватил ли у меня мужества или способностей, наставлять ее на путь истинный. Я молился с тех самых пор, когда у нее обнаружили рак. Я так хотел, чтобы она приобщилась к учению Христа, но у меня не

было достаточно мужества, чтобы настаивать на этом. Я не мог допустить и мысли о том, чтобы снова подвести маму. Когда мы заканчивали наш очередной телефонный разговор, она сказала: “Помнишь вопрос, который ты задал в своем письме?” и, не дожидаясь, пока я вставлю хоть слово, сказала: “Мой ответ – Да!”. Ни минуты не задумываясь, я впервые в своей жизни произнес: “Я люблю тебя, мама”. В телефонной трубке повисла тишина, затем мама попрощалась. Неужели она не слышала то, что я ей сказал? Я был расстроен, что она не ответила мне взаимностью, но я не собирался сдаваться. Это было так прекрасно, сказать маме, что любишь ее, и я не собирался останавливаться на достигнутом. Я решил все наши беседы заканчивать этой фразой. Я заплакал, когда в наш следующий телефонный разговор, она сказала мне, что любит меня. С того дня до самой ее смерти, мы всегда, прощаясь, говорили, что любим друг друга. Это были последние слова, которыми мы обменялись, когда я стоял у ее постели, держа ее за руку, в день, когда она покинула нас. Милость, ниспосланная мне Господом через моих родителей, это та же милость, которая утешала меня, когда я вспоминал, что так и не сказал отцу, что люблю его, прежде чем он умер.

Я ЛЮБЛЮ ВАС, МАМА И ПАПА.

Глава 6: Дуэйн

2 Послание к Фессалоникийцам (Солунянам) Святого Апостола Павла 1:12 “Да прославится имя Господа нашего Иисуса Христа в вас, и вы в Нем, по благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа”.

В январе 1974 года, мы вместе с Джоном Хенсли проводили обучение на заводе компании “Легgett и Платт”, расположенному к югу от Далласа, штат Техас. Занятия проводились каждое субботнее утро с 7.00 до 12.00 часов. Мы инструктировали группу инженеров-механиков и специалистов, как правильно обращаться с оборудованием, изготовленным “Уэллс Компани”. Посещение было обязательным и, для того, чтобы удостовериться в этом, Дуэйн Поттер, управляющий заводом, самолично посещал каждое занятие. Нам с Джоном приходилось выезжать из Чикаго в пятницу в полдень, чтобы появиться там в субботнее утро. Мы приходили на завод достаточно рано, чтобы наблюдать, как усвоены наши предыдущие уроки.

Тринадцать недель кряду, Джон и я проводили наши пятничные вечера в Эннисе, штат Техас. Я познакомился с Дуэйном за день до того, как приступил к занятиям. В тот вечер он пригласил нас на ужин, скорее всего для того, чтобы посмотреть, смогут или нет люди, присланные Ларри Хиггинсом, обучить персонал завода, которым он управлял. Я так же уверен, что он пригласил нас на ужин, потому что знал как нелегко приходится путешественникам, находящимся далеко от своих семей. За все тринадцать недель, я уверен мы провели без Дуэйна и его жены, Энн, не более двух вечеров. Они всегда тепло принимали нас у себя дома, даже после того, как я сломал тостер Энн, делая горячие бутерброды с ореховым маслом. Я не могу сказать, что за это время мы с Дуэйном стали закадычными друзьями, но мы проводили очень много времени вместе, беседуя об обучении, и о работе завода в целом. Когда наши занятия подошли к концу, Нана и я были приглашены на ужин в Даллас. Тогда-то Дуэйн и Энн познакомились с Наной в первый раз. Двадцать лет спустя, Энн будет тем человеком, кто соединит вместе судьбы твоей матери и отца...прикосновением любви. Мы вернулись домой в четверг, в середине дня, и в пятницу я, как обычно, отправился на работу. Но тем пятничным вечером

мне не нужно было отправляться в Техас. Я провел его дома, играя с детьми. В субботу, когда я собирался отправиться на работу, Нана зашла в кухню, держа на руках Ларри. Она сказала, что с ним что-то не так. Она отдала его мне, а сама позвонила доктору, который назначил встречу в больнице. Мы тотчас же выехали. После прохождения всегда такой долгой процедуры регистрации, мы, наконец-то, были допущены к доктору. Мы трое (Нана, Ларри и я) были одни в приемной, потому что медсестра куда-то вышла. Ларри был на руках у Наны, когда он вдруг начал биться в конвульсиях. Нана отдала ребенка мне. Сначала она посмотрела на него, затем взглянула на меня, чувствуя своим материнским инстинктом, что происходит что-то по-настоящему плохое. Ее взгляд умолял меня что-нибудь сделать. Но все, что мы могли, это смотреть как умирает наш сын. Этот момент смерти, такой длинный и болезненный для нас, был таким спокойным для Ларри. Я так никогда и не узнаю, сколько времени мы простояли так, прежде, чем начали звать на помощь. Смерть Ларри пришла без предупреждения. Не было даже времени попрощаться или как-то подготовиться к тому, к чему мы никогда не сможем быть по-настоящему готовы. Затем разверзся настоящий ад. Забегали медсестры, выхватили Ларри у меня из рук, крича “синий код”. Прибыл доктор, была сделана трахеотомия... и все напрасно. Ларри был мертв. Мне было 29, Нане 28, твоему отцу шесть, а Кристине четыре, и у нее была та же болезнь, что ослабила Ларри и привела к его смерти.

Погода для похорон была идеальной... холодный и мрачный апрельский день, но слишком теплый, чтобы шел снег. В воздухе висел тяжелый густой туман. Мы были окружены любящими и сочувствующими родственниками и друзьями, но никто не знал, как нас утешить. Среди нас не было никого кроме Лалы, кому пришлось бы хоронить своего ребенка. Несмотря на людей вокруг, нам не у кого было искать утешение. Я не думаю, что Нана заметила тех, кто был на похоронах. Я знаю, что меня это не волновало. Нана, твой отец, Кристина и я в последний раз попрощались с Бу-Бу, правильно, твое прозвище... еще одно прикосновение любви. Я вложил в руку Ларри крестик с надписью “Бог любит тебя”. Мы закрыли гроб, и прошли в женскую ложу, чтобы дожидаться начала службы. Я стоял один в нише у окна, зная, что не могу никого утешить, даже себя самого. Не могу припомнить, просил ли я у Бога помощи или утешения. Все, что я могу

сказать, это то, что я начал подумывать об уходе из жизни. Такими вот эгоистичными были мои мысли. Так же, как тогда, когда я убежал из дома, я думал только о себе. Затем, я обратил внимание на человека, находившегося на расстоянии в пару сотен метров от меня. Стоя и думая, как бы мне оставить этот мир, я не мог отвести взгляда от сумасшедшего парня, разгуливающего по улице без шляпы. Перед тем, как увидеть его лицо, я заметил сгорбленные плечи и поднятый воротник куртки. Я подумал, как же нелегко ему приходится в тщетных попытках согреться и остаться сухим. Когда я увидел, что это Дуэйн, я заплакал. Я думал, что за последние семьдесят два часа я выплакал уже все слезы, и что мои глаза не способны выдавить ни слезинки даже для меня самого. Я стоял там, в стороне от всех, рыдая так же сильно, как и за три дня до этого. Я подумал, что если человек, который едва меня знает, специально приехал из Техаса невзирая на ужасную погоду, чтобы принести утешение, тогда я должен, и просто обязан, найти в себе силы для того, чтобы утешить Нану и наших двоих детей. Я так и не знаю, кто рассказал ему о смерти Ларри... само его появление явилось прикосновением любви, которое по-настоящему тронуло меня. Сейчас я знаю, что в тот момент, Бог посредством Дуэйна, осенил меня своим прикосновением любви, давая мне силы и мужество продолжать жить. Тогда-то, я и осознал, что Господь по-настоящему любит нас. Он провел нас через это испытание, и, что еще более важно, Ларри находился рядом с ним на небесах.

Глава 7:

Нана (продолжение)

Римлянам 5:2 “через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией”.

Когда мы привезли Кристину из родильного дома, твой отец дал ей прозвище Пи-Ви..., которым я пользовался постоянно, к большому ее неудовольствию, особенно, когда она была в младших классах или среди друзей. И по сей день, когда я говорю с ней, то через раз называю ее этим прозвищем.

Наш первый маленький домик был чересчур тесен для нас четверых. Когда мы все собирались за кухонным столом, то невозможно было обойти вокруг него, не зацепив кого-нибудь. Когда я один сидел за столом, то мог запросто дотянуться до плиты, холодильника или раковины, не вставая со стула. Однажды вечером я сказал Нане: “Давай спланируем и построим дом для нашей будущей семьи из восьми человек”. В конце концов, сумел же я сколотить собачью будку и коробку для игрушек твоего отца, так почему бы не построить дом (Ноа, у тебя тот же ящик для игрушек, которым пользовался твой отец).

Год спустя, и благодаря большой помощи наших друзей, мы переехали в практически законченный дом в 4.300 квадратных футов с пятью спальными и тремя с половиною ванными комнатами. Я нанял отчима Наны работать над его отделкой, во время моего рабочего дня, а сам трудился над домом каждую ночь и выходные, сразу же после того, как были закончены лестница, штукатурные работы и канализация, и скажите мне еще про обучение в процессе работы! Дом был расположен на двух с половиной акрах земли и имел глубокий подвал, который планировался как одна огромная детская игровая комната.

Мы въехали туда в январе 1972 года, и во второй раз в моей жизни, я услышал у себя в голове мягкий голос, сказавший: “Пришло время чествовать и возблагодарить Господа за то, что ты имеешь. Служи Ему”. В следующие же выходные мы отправились в Методистскую церковь. Мы быстро втянулись и за три месяца подружились с людьми, которых Бог послал нам, чтобы вести нас через первую нашу долину смерти. Прикосновения любви, которые мы получали на протяжении следующих трех лет, от посланной нам Господом церковной семьи продолжали поддерживать Нану и меня (Мы любим вас

Чет и Кэти!). В сентябре 1972 года, примерно через неделю после рождения нашего третьего ребенка Ларри (который был назван в честь Ларри Хиггинса), Нана повезла Кристину к доктору на рутинную процедуру осмотра. Когда врач осматривала Кристину, она вдруг побледнела, после того как коснулась ее выпуклого животика, который мы называли “ее особым животиком”. Мы поняли, что случилось что-то по-настоящему плохое. Доктор послала нас для обследования в госпиталь в Кеносу. После трех дней тестов и анализов, у врачей все еще не было ответа на вопрос, почему печень и селезенка Кристины увеличены. Наш врач направила нас к доктору Перайсу, заведующей гематологическим отделением Детского Мемориального госпиталя в Чикаго. Они думали у Кристины особая форма лейкемии. Почти четыре дня исследований, рентгеновских снимков и анализа крови так и не прояснили ситуацию. В четверг доктор Перайс сказала, что запланировала на утро пятницы взятие биопсии печени, и что затем она передаст пациентку в отделение генетических заболеваний (чтобы это ни значило). Палаты госпиталя были устроены таким образом, что один из родителей мог проводить ночь с ребенком. Нана настояла, чтобы осталась она (никогда недооценивай ее силу и мужество сделать то, что должно быть сделано). Она ни разу не отошла от Кристины. Каждый день я наматывал по 65 миль туда и обратно, чтобы повидаться с дочкой, что не могло, конечно же, снять тяжкий груз с моего сердца, но хотя бы спасало меня от постоянного вида того, как страдает Кристина. А Нане приходилось все это наблюдать. Поездки домой ночью в четверг и назад в пятницу ранним утром, были для меня самыми длинными милями в моей жизни. В тот четверг я снова начал курить, после того как бросил три года назад, как будто Нане не о чем было больше волноваться. Нана умоляла меня не делать этого, но опять-таки я думал лишь о себе. Как бы ужасно Нана не чувствовала себя из-за случившегося, у нее все же оставались силы дать мне понять, что она любит меня. По дороге домой в перерывах между сигаретами, я разговаривал с Богом. Я не помню, что именно говорил каждый из нас, но я знаю, что эти беседы, а не выкуренные сигареты и выпивка, помогли мне найти силы, чтобы подготовиться к тому, что должно было последовать. Множество молитв, вновь обретенной церковной семьи, также предавали нам силы. Мои родственники, возможно тоже молили Господа за нас, но я не припомню, чтобы они говорили нам об этом (Никогда не упускай

возможности сказать кому-нибудь, что молишься за него, особенно, когда молитва, это единственное, что ты можешь для него сделать). Молитва это не маленький подарок. На самом деле, если ты можешь сделать только одну вещь для кого-нибудь, выбирай молитву, потому что все остальное вторично. Это прикосновение любви способно принести гораздо больше пользы, чем все, что ты можешь предпринять. Я и сам много раз получал подобные прикосновения любви, и из первых рук знаю, как хорошо себя после этого ощущаешь, и как полезно добро, исходящее от этого.

В ту пятницу нас познакомили с двумя новыми докторами: Нэдлером, заведующим отделением генетических заболеваний, и доктором Кэйем, его ассистентом. Они, также как и все другие врачи, с которыми мы познакомились на той неделе, обращались с нами так, словно мы были единственными родителями в госпитале. И что более важно, они обращались с Кристиной так, словно это была их дочь. Они задавали много вопросов, но в этот раз большей частью о нас с Наной и нашем семейном окружении (медицинские истории наших родителей, где родились наши бабушки, дедушки, их родители, и т.п.)

Биопсия была нормальной. Когда Кристину привезли обратно в ее палату, я увидел у нее на боку ранку. В тот день не было больше никаких тестов, рентгеновских снимков, и взятия крови на анализ. Мы просто ждали результата биопсии. Первый раз за всю ту неделю, которую мы провели в госпитале, мы немного повеселились с Кристиной, когда пошли поиграть в детскую комнату. Если память не подводит меня, у Кристины в тот день была ее любимая пища (чизбургер и картошка фри из Макдоналдса). Мы практически забыли причину, по которой находимся там.

Утром в субботу я снова был в госпитале. Я хотел присутствовать там, когда объявят о результатах тестов. Я был удивлен, увидев как в палату входит доктор Перайс, потому что Кристина уже не была ее пациенткой и сегодня, к тому же, была суббота. В этот раз на ее лице не было улыбки. Я сидел на стуле, а она подошла ко мне и присела рядом. Мне нравилась эта хрупкая женщина за шестьдесят, которая проявляла заботу о трех незнакомых ей людях. Несмотря на то, что Кристина больше не была ее пациенткой, она пришла в госпиталь в субботу, не только для того, чтобы узнать результаты биопсии, но и для того, чтобы поддержать нас, как я уверен, она делала много раз за все те годы, что работала в

больнице. У нее также нашлось мужество, чтобы прийти в палату Кристины и разделить с нами результаты тестов. Она знала, как вымотаны мы были, и в каком душевном состоянии мы находились. Она объяснила, что у Кристины болезнь Неймана-Пика. Она сказала, что доктор Нэдлер и доктор Кэй более подробно расскажут нам об этом заболевании, и добавила, глядя прямо на меня взглядом, напомнившим мне Христа, что вероятнее всего Кристина сможет прожить еще от силы три-пять лет. Эта болезнь была неизлечима. Ничего нельзя было предпринять, чтобы спасти от нее Кристину! Я плакал, и сквозь слезы мог видеть ее глаза. Она продолжала сидеть менее чем в двух футах от меня, держа руку на моем колене. Я крикнул ей, как будто она была Богом: “Я всегда верил, что наш брак был скреплен на небесах”. Продолжая смотреть в мои распухшие от слез глаза, она ответила: “Так и есть. Бог никогда не предложит человеку крест, слишком тяжелый, чтобы вынести его ношу”. Она произнесла эти слова с такой уверенностью в голосе, что я безоговорочно поверил ей, как будто сам Бог глаголил ее устами. Я никогда не забуду ее, не потому что она искренне заботилась о нас, но потому что помогла мне преодолеть первый урок настоящей боли. Ее прикосновение любви было моим первым настоящим уроком, преподанным мне в школе страданий, и который, как ни больно мне это говорить, все мы должны пройти, каждый в свое время. Пожалуйста, никогда не упускай возможности дотянуться и подарить свое прикосновение любви тому, кому сейчас больно.

Как сказала мне Нана и, я молюсь, чтобы у нее была возможность объяснить тебе этот важный урок: “В конце жизни не имеет значения сколько у тебя денег, или сколько вещей ты имеешь, или как много ты работал. Что по настоящему имеет значение, так это то, как ты относился к людям”. Наш Господь и Спаситель сказал это немножко по-другому: “Что бы ты не делал для самых ничтожных моих братьев, ты делаешь это для меня”. Будь готов делиться прикосновениями любви и готовься принять их в ответ, чтобы навсегда изменить то, что ты знаешь.

Глава 8:

Кристина (Пи-Ви)

Апостол Петр 5:10 “Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременном страдании вашем, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми”.

После встречи с докторами Нэдлером и Кэем мы вернулись домой. Они объяснили Нане и мне, что такое болезнь Неймана-Пика и обрисовали будущее Кристины. Они признали, что многое из того, что они рассказали, это всего лишь догадки, так как, несмотря на то, что доктор Нэдлер считается лучшим в мире специалистом по этой болезни, в мировой врачебной практике насчитывается всего около ста случаев возникновения этого заболевания. Мы также договорились об обследовании твоего отца и Ларри, которому было уже около трех недель. Им не нужно будет делать биопсию, чтобы понять больны ли они или просто являются носителями этого гена, как Нана или я. Простой соскоб кожи со спины будет отправлен в специальную лабораторию в Вашингтон, округ Колумбия. Будет выращена и исследована бактериологическая культура. И через несколько недель мы будем знать, есть ли у них эта болезнь. Нана уже знала ответ, но не сказала мне.

В тот день по дороге домой все, о чем я думал, это, как хорошо обращались с нами в госпитале от регистрации до самой выписки. Перед тем как покинуть больницу, я пошел оплачивать счет за лечение и спросил, почему, когда принимали Кристину, врачи не заинтересовались, есть ли у нас страховка, или достаточно ли у нас денег на лечение. Мне ответили, что это не имеет значения. Если мы могли заплатить...хорошо. Если же нет, то все равно хорошо. Это ни как не отразилось бы на лечении. Почти каждый раз, как мы возили Кристину на обследование к доктору Нэдлеру, я думал как же нам повезло...повезло не с тем, что Кристине осталось жить не более пяти лет, но потому, что мы могли забирать ее домой после обследования. Большинство детей и родителей в этом госпитале не могли поступить также. Эта больница предназначалась в основном для детей с очень большими проблемами. И, когда пациенты, наконец-то, могли отправиться домой, они уезжали на небеса. Когда ты

посмотришь нашу домашнюю хронику, то увидишь, какими мы были в первый день, после возвращения домой.

Мой отец умер от обширного инфаркта три дня спустя. В морге, когда я остался один, я вдруг осознал, что не пролил по отцу ни слезинки, несмотря на то, что был очень опечален его кончиной. Я больше не мог плакать, я был выжат досуха.

Прошло два месяца, а мы так и не получили ответа, есть ли у твоего отца и Ларри болезнь Неймана-Пика.

Я каждый день названивал доктору Кэю с работы (я не хотел показывать Нане, как сильно я волнуюсь, поэтому не рассказывал ей об этих звонках). За три дня до Рождества 1972 года, доктор Кэй позвонил мне в офис и сообщил о результатах тестов. Я попросил Господа подсказать мне, как сообщить об этом Нане. Я пришел домой рано, и Нана поняла, что что-то случилось (матери всегда это чувствуют). Я обнял ее и расплакался, рассказав, что твой отец является носителем гена, но у него нет болезни. Когда же я сказал, что она есть у Ларри, она посмотрела на меня сквозь слезы и сказала: “Я знала это”. Два случая из ста, думал я в тот день, какой подарок к Рождеству! В тот момент я был ближе всего к тому, чтобы обвинить Господа в болезни своих детей, но каждый раз, когда я начинал корить Его и чувствовать к себе жалость, мне вспоминались слова доктора Перайса: “Бог дает каждому такой крест, который он способен нести”. Я научился добавлять к ним следующие слова: “даже своему Сыну”. День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, милость Божья помогала нам учиться жить с болезнью “Неймана-Пика”. Наши друзья по церковному приходу очень поддерживали нас. Помогая матери после смерти отца, я частенько задумывался, не считает ли она наши проблемы причиной, из-за которой мог случиться его сердечный приступ. Я молился, чтобы она не думала так. Нана и я решили, что мы постараемся больше не иметь детей. Мы узнали, что наши шансы завести ребенка, у которого будет болезнь Неймана-Пика равны один к четырем. Имея двух детей, у которых обнаружилась эта болезнь, мы вряд ли смогли бы вынести известие еще об одном. За тридцать четыре года нашей совместной жизни у Наны и у меня были всего две или три настоящих ссоры. В двух из них, как и в тех, что были до нашего брака, был повинен я. В этом же, не было ни чьей вины. Оба из нас хотели сделать операцию. Нана настаивала, чтобы ее сделали ей. Она сказала, что если

умрет раньше меня, то хотела бы, чтобы у меня были еще дети. Она победила.

1973 год пришел и ушел. Тогда же мы покрестили всех детей. Где-то в начале года, у нас в церкви целую неделю проходила конференция “Лэй Витнесс”. В воскресенье, когда она должна была закончиться, прихожанам предложили принести все свои беды и сердечные тяготы к алтарю. Нам следовало выложить их перед Господом и передать их ему. Мы должны были преклонить колени и молиться столько, сколько считали нужным. После того, как мы оставили бы наши тяготы на алтаре, мы должны были взять с него алюминиевый крестик с гравировкой “Господь любит тебя”. Этот крестик должен был служить напоминанием об этой акции очищения.

Церковь была переполнена. Мы сидели рядышком с семьей Дикоу. Нана и я были первыми, кто поднялся и подошел к алтарю. Я уверен, что все смотрели на нас, и дали нам достаточно времени, чтобы побыть перед алтарем в одиночестве. Когда мы с Наной забрали наши крестики и вернулись на места, я помню, что видел слезы на глазах наших друзей.

В 1974 году произошла другая история! Я только что закончил расширенную программу подготовки специалистов, которая продлилась январь, февраль и март, и, которая требовала моего отсутствия тринадцать пятничных вечеров и суббот. Нана и я только что вернулись после того, как провели вместе так необходимое нам время. Мы отмечали ее двадцати девятилетие. А неделей позже мы отмечали день рождения твоего отца. Через несколько дней после нашего возвращения домой, девятого апреля 1974 года, умер и вступил в вечность твой дядя Ларри. Нам была явлена милость Божья, правда, нужно было хорошенько постараться, чтобы разглядеть ее. Выбирая место для похорон, и гроб для нашего ребенка, стоя перед его гробиком в часовне, и видя наших двух детей стоящих рядом, я был близок к тому, чтобы пасть на колени и начать молиться (хотел бы я, чтобы это произошло. Я бы стал сильнее, если бы молился). Перед тем, как закрыть крышку гроба, я вложил в маленькую ручку Ларри тот самый алюминиевый крестик, что носил с собой с того самого воскресенья в церкви. Тогда-то, я и осознал, что не имею власти над тем, что, по-настоящему, имеет значение. Следующие несколько недель нам пришлось несладко, мы учились познавать горе. Даже после того, как нам сказали, что продолжительность жизни Кристины и Лари составит от трех

до пяти лет, мы не были готовы к смерти. Ты не можешь научиться переносить боль, прочитав об этом в книжке или наблюдая страдания других. Единственное, что ты можешь, это ожидать милости Божьей, которая проведет тебя через это испытание, остановит боль и высушит слезы, да и то на время. Ты сможешь перенести это, потому что Господь являет милость Божью и прикосновения любви в самых неожиданных ситуациях.

Однажды, субботним днем, когда я чистил гараж, ко мне прибежал щенок, которого мы оставили себе от нашего золотого призера, охотничьей собаки по имени Сэнди (ее единственный приплод). Он стоял на пороге, пока я подметал пол большой метлой. Щенок устроил в гараже беспорядок, а я только что прибрался в нем, прежде чем начал подметать. Когда он приблизился ко мне, такой веселый и полный желаний поиграть, я вдруг взорвался. Как вулкан, извержение которого невозможно предсказать, я ударил его метлой. Я взмахнул метлой и ударил его, убив на месте. Я взглянул на Нану, и увидел как она шокирована. Я сказал ей: “Мы должны найти такую задачу, которую мы можем решить”. Нана гораздо серьезней переживала смерть Ларри, но она не срывалась.... пока. Спасибо Господу, твой отец и Кристина не видели, как я совершил этот ужасный поступок. Я похоронил щенка и отправился в дом, где мы с Наной долго говорили.

Также, как и в первый день нашей совместной жизни, мы строили планы на будущее. Мы собирались поехать в Картэдж, штат Миссури, чтобы начать новую жизнь. Я буду должен найти новую работу, а Нана новых друзей, магазины, где делать покупки и докторов для нас всех. В воскресенье мы сообщили о нашем решении в церкви. А в понедельник я поставил в известность всех своих коллег по работе и выставил на продажу наш дом, который был рассчитан на шестерых детей. Это было в июне 1974 года. И уже в октябре я начал работать на компанию “Леггетт и Платт” в Картэдже, а во время празднования дня благодарения, мы въехали в наш новый дом. Мы покинули дом, который был раза в три больше теперешнего. Когда я сегодня пишу эти строки, то думаю, что же по этому поводу думали твой отец, которому было шесть лет, и Кристина, которой исполнилось четыре. Твой отец спросил меня: “Мы что стали бедными?” Спасибо Господу, Его милость была с нами, принося утешение каждому из нас, как хотел того Бог, и когда он счел это нужным.

Нана, твой отец, Кристина и я учились жить новой жизнью. Из-за работы, которая не давала мне расслабиться, я быстрее Наны вошел в нормальную колею. Она раньше всех знала, что у Ларри болезнь Неймана-Пика. С того дня, как мы привезли Кристину домой из госпиталя, она ни на минуту не оставляла его. Она месяцами нянчилась и страдала вместе с ним, так как на его маленькие кривые ножки были надеты специальные скобки, чтобы выпрямить их, хотя, я думаю, она знала, что Ларри вряд ли придется ходить ими. Обычная забота о двух детях и муже давали Нане силы держаться, прежде чем она вернулась к нормальной жизни... чтобы это ни значило, после похорон собственного ребенка.

Кристина была тем существом, которое я готов был защищать, и делать для нее все возможное в любое время. Временами, я думаю, что старался любить Ларри поменьше. Видимо у меня срабатывал какой-то защитный механизм, чтобы заблокировать боль, которая, как я знал, когда-нибудь вернется (Нана, если я так поступал, пожалуйста, прости, что я не был настоящим отцом для Ларри). Если я и поступал так с Ларри, то уж точно не делал этого с Кристиной. Она владела моим сердцем и все еще владеет им сейчас, также как и ты, Ноа (Также как твоя мама, отец и Нана, но немного по-другому). Мне часто приходила в голову мысль, что Кристина была ниспослана мне Господом, чтобы научить меня помогать людям, смеяться, быть более человечным, добрым, ранимым, счастливым, беззаветно любящим, честным, чувствительным, понимающим, а больше всего она научила меня самоотверженности.

Милость Божья также даровала мне Нану, твоего отца, Ларри и множество других ангелов (о некоторых из них я сейчас тебе рассказываю) чтобы изменить мою жизнь. Можешь ли ты поверить как сильно Господь любит меня? Это началось с того момента, когда он послал людям своего сына, и продолжается по сей день. Я далек от того, чтобы считать себя сформированным по его образу и подобию, у меня много недостатков, но Кристина получилась Его идеальным творением. Его милость и прикосновение любви дали этому ребенку, в котором никогда не будет больше пяти футов роста и более восьмидесяти фунтов веса, абсолютный и полный контроль надо мной. Я был и остаюсь ее слугой. Однажды, Кристина, когда я попросил ее принести что-то с кухни, сказала: "Мои родители слишком бедны, чтобы иметь рабов, и поэтому они завели детей". На самом деле, она все

перепутала. Мне нравилось и продолжает нравиться оставаться в плену у нее и прикосновений любви, которые она мне дарит. Она бы понравилась тебе, а ты ей. Я могу представить в своем сердце, как вы вдвоем смотрите сказки об овощах (Вегги), она, сидя на углу дивана, а ты на полу, также как твой отец в твоём возрасте. Я думаю, что твой смех напоминает мне ее.

При рождении у Кристины были черные как смоль волосы. А несколько месяцев спустя, когда Нана мыла ей голову, они все выпали. Твой отец и я звали ее “бильярдный шарик”, пока не отрасли новые волосики, и она не превратилась в великолепную блондинку. Прозвища всегда ранили ее чувства, поэтому Нана следила, чтобы твой отец и я использовали их в духе доброй шутки. Кристине всегда нравилось веселиться. Она заставляла радоваться всех вокруг, просто потому, что глядя на нее, невозможно было не наслаждаться жизнью. Мое сердце сжимается, всякий раз, как я вспоминаю, сколько раз мы с ней боролись. Во время написания этих строки, мои глаза застилают слезы, когда я представляю, как мы будем дурачиться и бороться с тобой. Ей нравилось смеяться, и когда она это делала, все вокруг тоже начинали улыбаться. Ее радость была заразительной и распространялась со скоростью лесного пожара.

Мы все знаем, какую ревность друг к другу испытывают дети одних родителей. Когда Кристина подросла, “ее особый животик” стал намного заметнее, почти как у беременной женщины. Ее одноклассники все обгоняли и обгоняли ее в росте (Я был таким глупым и бесчувственным, ведь именно поэтому, она не хотела, чтобы я называл ее Пи-Ви перед ее школьными товарищами). Каждый раз, когда начинался новый учебный год, Нане обычно приходилось объяснять учителям про состояние здоровья Кристины. Она в подробностях рассказывала им, что можно делать Кристине, а чего нельзя. Самое важное, это то, что она просила учителей относиться к Кристине, как к обычной ученице, и настаивала, чтобы они задавали ей уроки на дом. Нана была слишком суровой: всего одно ее слово, и жизнь Кристины намного бы облегчилась. Это было самое трудное вещь для моего понимания. Какая потеря отпущенного ей времени! Зачем ей вообще нужно было учить всю эту ерунду? Я переносил это еще тяжелее потому, что школьные предметы, в особенности математика, давались ей с трудом, в отличие от твоего отца. Когда она приходила ко мне, чтобы я проверил ее домашние задания по

математике, большую часть времени мне приходилось тратить на объяснения, почему это не верно, показывать как это надо сделать и просить ее заново переделать их. Я слышал, что как только она выходила из комнаты, то начинала плакать, и не потому, что ей приходилось все переделывать, но из-за растерянности и расстройств, что она никак не поймет, как это нужно сделать. Я ненавижу себя. Вместо этой ерунды мы должны были сражаться и бороться! Я не думаю, что Кристину подвергали насмешкам в школе из-за того, как она выглядит. Я считаю, здесь видна рука Господа, особенно в младшей школе, куда ходили дети со всего города. Это было не как в средней школе, в которой Кристина училась с теми же ребятами на протяжении шести лет, и где учителя внимательно следили за поведением молодых школьников. Я думаю, никто не хотел иметь дело с твоим отцом, и здесь тоже виден промысел Божий.

Сколько бы раз Кристина и твой отец не боролись, удары в их поединках были запрещены. Хотя твоему отцу и доставалось иногда от нее, он никогда не бил в ответ. Я знаю, что он защищал ее от подлой детской издевки. К сожалению, никто, ни Нана, ни твой отец, ни я, ни даже сам Господь Бог не мог защитить ее от подлости взрослых. Она всегда замечала, что люди косятся на неё, а делали они это практически всегда. Ответом Кристины служило напоминание не пялиться на какого-нибудь необычно выглядящего человека, когда она заставляла нас за этим занятием. Она на самом деле знала, как образумить нас простым своим вниманием к другим людям. Когда же, наконец, каждый из нас научиться смотреть на других взглядом Христа, так как смотрела Кристина?

Доктор Нэдлер и Кэй просили нас обращаться с Кристиной и Ларри как с обычными детьми. Нана справилась с этим заданием лучше, чем я. Учителя Кристины также великолепно справились с этой работой. Я знаю, что они сознавали, что Кристине требуется гораздо больше усилий, чтобы учиться на тройки, чем некоторым детям, чтобы учиться на пятерки. Я также уверен, что давая знания твоему отцу двумя годами раньше, и зная его способности, они ожидали большего от Крис. Но я не верю, чтобы они завышали ей оценки, за исключением одного раза.

Кристина пропустила практически весь последний месяц, когда училась в 9 классе. Но она делала все возможное, чтобы справляться с домашними заданиями и настояла на том, чтобы в последний день поехать в школу, чтобы забрать

свои оценки за год и разобрать свой ящик. Мы организовали все так, чтобы ее оценки были у директора в кабинете. Я помог ей разгрести ее шкафчик перед началом занятий, и мы отправились в кабинет директора, чтобы забрать конверты с ее результатами. Когда мы возвращались домой, она не могла сидеть спокойно, так ей хотелось вскрыть эти конверты. Для нее это было словно ожидание рождественских подарков в мае. Я заставил ее потерпеть, пока мы не приехали домой, чтобы она вскрывала их один за другим на наших с Наной глазах. Сначала она называла предмет, а затем говорила оценку. Когда Кристина закончила зачитывать все отметки, она поняла, что по всем предметам у нее стоят одни пятерки. Она была так рада и возбуждена. Я уверен, что она и понятия не имела, почему мы с Наной плачем (также как я плачу сейчас). Я знаю, что это был Божий промысел в том, чтобы Кристина посещала школу. Я уверен, что особые прикосновения любви Кристины глубоко тронули учителей. Я хочу воспользоваться возможностью, чтобы поблагодарить каждого из них за те прикосновения любви, которыми они одаривали Кристину, также как и многие тысячи других детей, которым они продолжают дарить свою любовь. Я посвящаю часть этой книги им. Пусть они всегда помнят, что имеют влияние и наделены способностью от Бога дарить прикосновения любви. Пожалуйста, щедро используйте свои способности.

Рождество 1984 года было одним из самых необычных и запоминающихся дней (несмотря на то, что они так редки). Кристина всегда любила получать подарки, но Рождество было для неё чем-то особенным, и она вся светилась каким-то чудесным светом. Она с огромным нетерпением ждала момента, когда можно будет заглянуть под елку, чтобы вытащить подарки. Когда же этот момент наступал, она перебирала все подарки и разделяла их на кучки, предназначавшиеся каждому из нас. Я помню, как твой отец перемешивал их раз или два, после того, как она все раскладывала, просто так ради шутки (я уверен, что ты уже познакомился с этими его розыгрышами). Ожидание подарка приносило ей такую же радость, как и сама вещь. Неважно каким бы дорогим или большим подарок не был, Кристина становилась очень возбужденной и невероятно счастливой. Странно однако, что твой отец относился к подаркам спокойно, кроме единственного раза...того Рождества. Нана и я решили не покупать ему машину, когда он получил

водительские права, хотя в отличие от наших родителей, легко могли себе это позволить. Твой отец всегда где-то подрабатывал, поэтому мы считали, что он сам мог о себе позаботиться. Даже когда у большинства его друзей появились машины, он никогда....,я повторяю, никогда не жаловался. Мы знали, что когда Кристине исполнится шестнадцать, мы купим ей машину. Мы также решили, что когда твой отец на следующий год поступит в колледж, мы купим машину и ему. Мы всегда старались не выделять никого из детей. Мы уделяли обоим равное внимание и поровну распределяли их домашние обязанности, за исключением того, что Кристина никогда не чистила собачью будку. В холодные и сырые дни, когда твоему отцу приходилось вычищать собачьи какашки и складывать их в мокрый мешок, который временами был таким полным, что рвался, и все его содержимое рассыпалось, я уверен, он чувствовал неравенство.

Кристина помогала нам планировать это Рождество, на которое мы решили преподнести твоему отцу сюрприз. Она так хорошо сыграла свою роль, что была достойна Оскара. Она приходила в равный восторг как от сюрпризов, приготовленных для нее, так и для других, и в то Рождество она не дала твоему отцу ни единого намека на то, что его ожидает. В канун Рождества, когда мы возвращались из церкви, я сказал всем, что дверь в гараж сломана и придется воспользоваться главным входом. Я установил видеокамеру на треногу, прежде чем отправиться спать. На следующее утро, по старой традиции, мы принялись распаковывать подарки. Когда мы приступили к этому, я включил камеру и запись пошла. Кристине, как обычно, было поручено доставать подарки из кучек, которые она сама организовала. Камера продолжала писать, когда Кристина раздавала подарки (сначала Нане, затем мне, потом твоему отцу и так далее). Твой отец получил всего лишь пару футболок и баскетбольный мяч. Когда-нибудь, когда ты посмотришь эту запись, то увидишь, как твой отец все сильнее и сильнее колотит по мячу (наверно от обиды), видя как другие распечатывают все новые и новые подарки (в том году их было очень много). Обрати внимание на выражение его лица, когда я попросил его пойти в гараж и принести мешок для мусора, чтобы убрать все, что осталось от подарочной упаковки. Затем прислушайся внимательно к раздававшемуся вскоре звуку. Это было всхлипывание, которое издал твой

отец, когда открыл дверь в гараж. Мы поднесли камеру к двери и записали, как он забирается в свой новый, с иголки “Камаро” (Пока мы были в церкви, мой друг загнал машину в гараж и украсил крышу большой красной лентой). Ты увидишь, как он сел за руль и заплакал. Мы тоже плакали.

Мы знали, что Кристине потребуется машина, когда она пойдет в старшие классы, и она должна будет иметь некоторые специальные приспособления. Во-первых, она не могла носить ремень безопасности. Не потому, что он не подошел бы, а потому, что случись авария, пояс скорее всего врезался бы в печень или селезенку, тем самым убив ее. Ей также требовались специальные удлинители для педалей газа и тормоза, чтобы она могла дотянуться до них. Таким образом, вождение какой-нибудь другой семейной машины, наподобие той, которой управлял твой отец, оказывалось для нее невозможным. Через год Кристине должно было исполниться шестнадцать, поэтому мы решили купить машину твоему отцу, пока он еще не окончил школу (чтобы более или менее соблюсти равенство). Я навсегда сохраню в своей памяти выражение его лица, когда он сидел за рулем этой машины с красной большущей лентой на крыше. Он читал письмо, которое я оставил для него в машине. Слезы, бегущие у него по щекам, сверкали, словно, отблески на красной ленте, шедшей через лобовое стекло (Спроси как-нибудь своего отца сохранил ли он это письмо, я уверен, что да, если, конечно, Нана не забрала его). Спустя несколько минут, твой отец уже повез Кристину кататься, а мы с Наной занялись уборкой. Радость и предвкушение, переполнявшие Кристину в тот день, накапливаясь в дни, предшествующие празднику, много значили для нас с Наной. Она ездила со мной за машиной и участвовала в разработке малейших деталей, когда мы готовили сюрприз. Она не могла быть более счастлива, даже если бы это была ее машина.

Январь принес с собой начало нашего самого ужасного события. Нана отвезла Кристину к доктору, на обычное обследование, которое требовало взятия крови на анализ. Кристина же никогда не любила эту процедуру. Врач обследовал Кристину, но, когда он прослушал ее сердце, на его лице отразилась озабоченность, а затем и паника. Этот врач осматривал Кристину три раза в год на протяжении нескольких лет. Результаты каждого обследования всегда направлялись доктору Нэдлеру и его команде, с тем, чтобы отслеживать развитие у Кристины болезни Неймана-Пика.

Помнишь, как нам говорили, что ей осталось жить от трех до пяти лет... Сейчас ей было 15. Большинство из врачей, которые занимались исследованием этой болезни, не могли поверить тому, что было написано в медицинской карте Кристины. Те, кто осматривал ее, не верили собственным глазам. Я помню, как доктор из Денвера специально прилетел в Чикаго, чтобы увидеть Кристину и убедиться, что записи, которые говорили о нормальном развитии Кристины, не врут. Ей было около восьми, и я уверен, Кристина подумала, что у доктора не все в порядке с головой, когда он попросил ее произнести алфавит и пройти по прямой линии, что она с легкостью проделала к большому его удивлению. Все другие дети ее возраста, у которых, по словам доктора, была болезнь Неймана-Пика, были сильно ограничены в способности отвечать на вопросы, и у них наблюдалось подавление моторных функций. Их неспособность выполнять простейшие действия была обусловлена опухолью в мозге.

Как я понимаю, болезнь Неймана-Пика не позволяет телу расщеплять углеводы, которые обычно рассасываются организмом. Те же, что не расщепляются, обычно накапливаются в какой-нибудь части тела. У Кристины это были печень и селезенка. У других детей избыток углеводов накапливался в мозгу. Нам сказали, что сама болезнь в отличие от рака по сути не смертельна. Но она значительно ослабляет организм и что-то другое может послужить причиной смерти. Ларри умер от заражения крови, нерасщепленные углеводы также, как и у его сестры, накапливались в печени и в селезенке. Доктор сказал, что у Кристины обнаружилась застойная сердечная недостаточность, и что жить ей осталось не более трех месяцев. Он сказал, чтобы мы забрали ее из школы, потому что вскоре она слишком ослабнет, чтобы ее посещать. Что еще он говорил Нане тем утром, не имеет значения, я попросту не запомнил это. После первых слов, которые он произнес, все остальное уже не имело абсолютно никакого значения. Я был в командировке в Калифорнии, когда Нана позвонила мне. Я примчался домой так быстро, как только смог. Всю обратную дорогу, я думал о Нане и о том, почему меня не было рядом с ней, когда она услышала слова врача. Я не могу себе представить, как она добиралась домой из Джоплина, на машине вместе с Кристиной. Как только я приехал в Картэдж, мы сразу же созвонились с доктором Нэдлером. Он не мог поверить в то, что мы ему рассказали; он

никогда не слышал, чтобы у ребенка с болезнью Неймана-Пика наблюдалась бы застойная сердечная недостаточность. На следующий день он назначил специальные тесты для Кристины, включая электрокардиограмму (ЭКГ), через нашего доктора в Джоплине.

Когда обследование закончилось, то диагноз подтвердился: у Кристины на самом деле была застойная сердечная недостаточность. Не осталось ничего, чтобы он или кто-нибудь другой могли сделать, чтобы не позволить болезни забрать жизнь Кристины.

Когда твоему отцу было четырнадцать лет, мы с ним впервые отправились на совместную охоту в Вайоминг. По дороге домой, я рассказал ему, что у его сестры болезнь Неймана-Пика. Я как мог объяснил ему, что это значит. Я точно помню какие слова я использовал, когда объяснял отчего умер его брат, и почему у Кристины такой “особый животик”, но я никогда не забуду, как я ему это рассказывал. Это был один из тех двух случаев, когда я думаю, а стоило ли мне вообще заводить об этом разговор (через некоторое время я расскажу тебе о втором моменте). Меня утешает лишь то, что та же самая милость, ниспосланная Господом Нане и мне, помогла и твоему отцу, давая ему силу, чтобы услышать и принять это, а также давая мудрость вынести знание того, что у Кристины та же болезнь, которая убила его брата.

Мы не сказали твоему отцу, что у Кристины обнаружили застойную сердечную недостаточность и то, что нам пришлось забрать ее из школы. Я сказал об этом только нашим матерям и паре человек на работе. Мы прожили следующие четыре месяца, пытаюсь делать вид, что все в порядке, плача и молясь там, где твой отец или Кристина не могли нас увидеть. Все это время я работал неполные часы и старался не отлучаться в командировки. Я очень благодарен нашим партнерам из “Леггетт и Платт” за то, что они давали возможность Нане и мне больше времени проводить с Кристиной, чтобы подготовиться к тому, что должно было последовать.

Март пришел и ушел. В апреле у нас с Наной забрезжила надежда, на то, что Кристина пошла на поправку, и что врачи допустили ошибку, но вскоре выяснилось, что ошибались все-таки мы. К первому мая Кристина настолько ослабла, что не могла больше ходить в школу, но настаивала на том, чтобы делать домашние задания. Переход из средних классов в старшие был для нее самым важным событием. Она делала

все задания, даже самые idiotские из них. Когда я пишу эти слова, мной снова овладевает злость на самого себя. Я должен, и просто обязан был сделать все возможное, чтобы не позволить ей тратить понапрасну силы на сражение со школьными заданиями. Но Господь не позволил мне сделать это, Он лучше знал, как важен был для Кристины переход в старшие классы.

Я говорил тебе раньше, что мы просили учителей обращаться с Кристиной как с обычной ученицей. В последний день школы, она захотела поехать туда, чтобы забрать свои годовые оценки и вещи из ящичка. Мы приехали рано, чтобы избежать толпы. Для Кристины не имело значения, что ее ноги были обернуты марлей, для впитывания жидкость, сочащуюся у нее из пор или что она выглядит слишком слабой и больной. Она хотела освободить свой ящик от вещей и хотела знать, пойдет ли она в следующий класс в сентябре. Я уверен, что к этому времени все в городе, кто знал Кристину, догадывались о ее состоянии. Я хотел бы, чтобы ее учителя и те люди, которых послал ей Господь, разделили ее радость и обновленную силу, когда она вскрыла конверты с оценками.

Кристине нравилось находиться в воде, где ей не мешал ее животик; она могла часами играть в бассейне. Бассейны в нашем районе не открывались до конца мая, но Джим и Джин Хантер позволяли нам пользоваться своим частным бассейном. Они сказали, что мы можем приходить в любое время, что мы и делали практически ежедневно. Мы купались там от нескольких минут до нескольких часов, в зависимости от самочувствия Кристины. Когда хозяева приходили домой и заставляли нас в бассейне, они никогда не подавали вида, что видят нас. Не потому что не хотели встречаться с нами, а потому, что знали, как много это время значит для нас. Перед тем, как Кристине пришлось постоянно находиться в кислородной маске, мы пристегивали баллон с кислородом к ее коляске. И практически каждый день Нана и я катили коляску с Кристиной к дому Хантеров. Она вообще не хотела, несмотря на слабость, вылезать из воды. Я очень благодарен Джиму и Джине за то, как они так отнеслись к нам. Но, несмотря на милость, явленную Господом, я не мог без слез смотреть на ребенка в инвалидной коляске...и часто отворачивался, чтобы скрыть слезы. Даже зная, как сильно слезы облегчают страдания людям, я всегда ненавидел боль, которую они приносили моему сердцу, когда я вспоминаю, как катал Кристину в этой коляске.

На второй неделе, в июне, наша церковь получила нового пастора. Я уверен, что это стандартная процедура, когда старый пастор, уходя, вводит новичка в курс того, что происходит в его приходе. В первый же день своего пребывания в Картэдже, он навестил наш дом. И первая фраза, которую он произнес, была: “Давайте помолимся вместе”. Джей Провианс подарил нам в тот день много радости умиротворения. Каждый день, все последующие три недели, мы молились вместе. Я корю себя за то, что во время тех молений, с нами не было твоего отца, хотя мы молились и за то, чтобы ниспослать ему силу и способность принять неизбежное.

Во время этого последнего месяца, Кристина засыпала через каждые четыре-пять часов, и могла проснуться в любое время ночи. Мы не желали, чтобы она оставалась одна во время этих пробуждений, и поэтому установили интерком между нашими спальными комнатами, чтобы она в любое время звонком могла позвать нас. Когда мы приходили к ней по ее вызову, то обычно играли в карточную игру под названием “Смоукем”, и Кристина всегда побеждала. Я не поддавался ей, просто она выигрывала...еще одно проявление Божьей милости. Однажды вечером, я решил, что выиграю во что бы то ни стало. Я вытащил из колоды всех тузов и спрятал их под свою подушку. В этой игре, если у тебя на руках есть два или три туза, ты, практически, выиграл. Я не только сделал так, чтобы у меня оказались все четыре туза, но я мог ввести их в игру в любое удобное для меня время. Представляешь, что это такое жульничать, играя с собственной дочерью? Ты знаешь, Ноа, чему я научился в ту ночь? Я понял, что милость Божью нельзя победить; Кристина выиграла. После игры мы оба смеялись, когда я рассказал, что я сделал. Я рад, что тот вечер принес нам столько радости. И я улыбаюсь сквозь слезы каждый раз, когда вспоминаю об этом. Однажды Кристина позвонила нам в спальню в два часа ночи, и спросила, не хочу ли я сыграть в карты. Как всегда я ответил: “Да”. Но после того жульничества Кристина всегда проверяла, на месте ли тузы, и смеялась, когда их пересчитывала. Я тоже смеялся. Ноа, при всей моей любви к тебе, я не могу обещать, что не буду жульничать, если мы когда-нибудь сядем играть с тобой в карты, особенно, если после этого у тебя останутся такие же приятные воспоминания, полные смеха и веселья. Но несмотря на это, я обещаю тебе всегда быть честным с тобой по поводу своего жульничества, также как я был честен

с Кристиной в ту ночь. Я не думаю, что проработал в июне больше пяти часов. Я всегда буду признателен Хэрри, Феликсу, Дуэйну и Генри. Они никогда не спрашивали, а мне никогда не приходилось им ничего объяснять. Они, также как и мои партнеры по работе, никогда не узнают, как много их молчаливая поддержка значила для меня тогда и сейчас. Я также навсегда запомню, что сделала для меня Дебби Леггетт. Она окружила меня заботой, как миллионная армия. Милость Божья была повсюду.

Утром первого июля, после того, как я сделал Кристине массаж спины, пока она лежала в кровати, я прошел на кухню и сказал Нане и твоему отцу, что Кристина сегодня умрет. Я не знаю, откуда мне пришло это знание, я просто знал и все. Я думаю это было первый раз, когда я сказал твоему отцу, как на самом деле плоха Кристина. Я надеюсь он простил меня за то, что я не сказал ему об этом раньше. Нане и мне вновь предстояло испытать смерть еще одного ребенка. А твоему отцу предстояло увидеть, как умирает его сестра, и понять, что когда-нибудь он останется совсем один. Твоему отцу было всего семнадцать лет. Милость Божья с лихвой компенсировала ему мою бесчувственность. Я вернулся в комнату Кристины и сменил ей марлевые повязки на ногах. Затем я попросил твоего отца пойти к сестре и провести с ней столько времени, сколько он захочет. Я бы все отдал, чтобы знать, о чем они говорили. Пока они были вместе я поднялся на крышу взглянул на небо и заорал на Бога, обзывая Его разными словами. Я был готов взорваться от ярости, и мне необходимо было ее выплеснуть также, как я сделал это одиннадцать лет назад с тем щенком. Если бы Бог появился передо мной в тот момент, я думаю, я попытался бы убить Его тоже. Нана поднялась ко мне на крышу. Не говоря ни слова, она приблизилась ко мне. Какое мужество! Она знала, как я бываю страшен, когда теряю над собой контроль, а в тот момент я настолько потерял контроль за своими действиями, что только Господь был способен достучаться до меня. Он сделал это посредством Наны. Она подошла поближе, взяла мои руки в свои, заглянула глубоко мне в глаза и сказала: “Я не властен над этим, так пусть свершиться воля Твоя”. Всего лишь раз в жизни я испытал такое умиротворение, которое пришло ко мне через руки Наны, и наполнило меня. Я знаю, что Бог был тогда рядом со мной. Его сила поддержала нас и позволила встретить этот черный день вместе. Попрощаться с Кристиной приехала ее лучшая подруга Синди. А после того,

как она уехала, мы с Наной провели следующие два часа у постели Кристины. Она умерла прямо у нас на руках. Я буду всегда сожалеть о том, что сказал ей, что ей суждено умереть (это вторая вещь, которую я бы никогда не хотел произносить). Должно быть, она была так напугана. Я совершил столь много ошибок, но милость Божья дала мне возможность передать их в руки Христа и продолжать жить, несмотря на них. Сейчас Иисус несет этот груз за меня. Последними словами Кристины были: “Помоги мне”. До этого момента, я всегда думал, что она разговаривает с Наной и со мной. Милость Божья открыла мне глаза на то, что она говорила не с нами. Ее собеседником был Христос.

На следующий день после смерти Кристины, Джей Провианс с помощью Господа убедил нас учредить фонд школьной стипендии имени Кристины Мари Уэллс. Кристина всегда мечтала стать учительницей. В тот день наш дом был полон друзей, которые пришли, чтобы утешить нас. Прикосновения любви были повсюду, но я не хотел, чтобы меня касались. Хэрри и Дорис подошли и одарили нас своим прикосновением любви, которым была книга “Следы Фэллоуа Страглера”. Эта книга принесла Нане так много утешения (Я думаю она прочитала ее несколько раз во время нашего перелета в Кеношу на похороны). Я сидел в одиночестве за нашей барной стойкой на кухне. Нана и все, кто пришел, находились в гостиной и зале. Джей трижды подходил ко мне, всякий раз интересуясь, что могут сделать люди, в память о Кристине, и каждый раз я отвергал его предложения. Но когда он упомянул фонд именной стипендии, еще одно прикосновение любви открыло мне глаза на то, что любовь Кристины к людям сможет проявляться вечно. Поэтому всякий раз когда я слышу главную песню из фильма “Титаник”, мои глаза наполняются слезами. Сердце Кристины будет жить вечно.

Я выбрал гроб для Кристины за два месяца до ее смерти – красивый, абсолютно белого цвета. После того, как она умерла, мы вместе с Наной и твоим отцом отвезли ее в морг, одетую в ее любимое белое платье. Когда гроб привезли на кладбище в Кеношу, мы открыли его крышку, чтобы в последний раз взглянуть на Кристину. Пока мы стояли и смотрели, Нана достала из бумажника свой крестик с той конференции в нашей церкви тринадцать лет назад. Она передала его мне, чтобы я вложил его в руку Кристины, прежде чем закрою крышку гроба.

Кристина похоронена в Кеноше рядом со своим братом. Нана и я будем похоронены там же. Если ты когда нибудь отправишься туда, то увидишь три похожих могильных камня. На надгробии у Ларри значиться: “Наш малыш”, у Кристины “Наша дочь”, наша надпись гласит: “Сейчас, мы ,наконец, знаем почему”.

Глава 9:

Эдди

2 Послание Корифянам 9:8 “Бог же силен обогатить вас всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело”.

Однажды, когда мы ещё жили в Кеноше, я возвращался с обеда на работу. Проходя мимо больничной стоянки, я заметил, как мужчина сполз вниз по сиденью своей машины. Я постучал по стеклу и поинтересовался, все ли у него в порядке. Он посмотрел на меня и ответил: “Моя жена больна, а я ничего не могу поделать”. Мы немного поговорили, а когда я увидел, что ему лучше, мы разошлись.

Так начинались одни из самых крепких дружеских отношений, которые я только знаю. В следующий раз я повстречал Эда Черника в “Уэллс Компани”. Он пришел, чтобы купить подержанный агрегатный станок для своей мастерской. Мы продолжали видеться в “Уэллс Компани” на протяжении следующих нескольких месяцев; он работал на нас как субподрядчик и занимался поиском других субконтрактников. В то время мы работали без остановки, весь персонал завода был занят 50-60 часов в неделю, и мы не успевали справляться с заказами. Следующие пять или шесть лет он приходил ко мне на завод, чтобы просто повидаться (он никогда не предупреждал заранее, а просто приходил). Не важно как бы занят я не был, благодаря прикосновению любви у нас всегда находилась минутка, чтобы побыть вместе. Обычно, когда мы ужинали, он рассказывал о своей жизни. Я был заворожен и вдохновлен этими историями и его способностью словами оживлять события. Это было то же самое, как жить и учиться на примерах из его жизни. Они всегда несли в себе обещание и надежду. Эдди не знал слова “пессимизм”, он признавал только оптимизм. Его стакан никогда не был наполовину пуст, а всегда наполовину полон. Эдди (как его называли Кристина и твой отец) любил повторять, что он так же стар, как календарь. Он родился в Австрии и эмигрировал в Америку в 1909 году. Чем больше времени мы проводили вместе, тем больше нравились друг другу, и в нас крепла взаимная любовь. Однажды, я пригласил его поужинать в кругу нашей семьи, когда отсутствовала его жена Мэри. Для Кристины и Эдди это была любовь с первого взгляда; он не знал, что у нее болезнь Неймана-Пика. Они

дурачились как дети, пока не пришло время ужинать. Нане Эдди тоже понравился, потому что Кристина так быстро и безоговорочно приняла его. Кристина и твой отец были центром его внимания, в отличие от телевизора, Наны или меня. Эдди знал, что по-настоящему имеет значение. Все следующие несколько лет Эдди будет Кристине и твоему отцу вместо дедушки, которого они были лишены. Прежде чем я продолжу свой рассказ, я хочу сказать, что наблюдая за тем, как он обращается с нашими детьми, я учился у него быть дедушкой для тебя, Ноа. Когда умерла жена Эдди, жизнь потеряла для него смысл. У него было четверо детей, трое из которых жили на расстоянии десяти миль от его дома. Я знаю, что он чувствовал себя одиноким, хотя он никогда не признавался в этом. Я не знаю ничего о том, была ли у Эдди и его жены какая-нибудь церковная жизнь. Сидя у него дома, слушая его рассказы о его сорокалетней семейной жизни, в то время как его дети делили в его спальне трофеи и вещи его жены, я спросил его верит ли он в Бога. Я думаю он был первым человеком, которому я задал этот вопрос. Возможно, из-за неловкой манеры, в которой я спросил его, он увильнул от темы и стал говорить о чем-то еще.

После того, как он остался один, мы все чаще стали приглашать его к нам. Мы превратились в дополнение друг к другу. Нам ничего не было нужно, кроме нашей компании. Мы пригласили его посещать церковь вместе с нами, в 1972 или 1973 году. Сначала он чувствовал себя неловко, но вскоре он освоился и стал частью жизни и для других прихожан. Я вспоминаю, как несколько раз в бассейне, Дикоу, они а не мы приглашали Эда на ужин. В церкви он всегда садился рядом с Кристиной и внимательно вслушивался в каждое слово проповеди. Иногда, после церкви за ужином, мы обсуждали слова пастора. Эдди проводил с нами большинство праздников, пока мы не переехали. Я не думаю, что его детей это заботило, хотя я желал бы, чтобы это было наоборот.

Мы переехали в Картэдж перед самым Днем Благодарения в 1974 году. Я думаю, что это было единственное Рождество или День Благодарения, которое он встречал без нас, до самой смерти Кристины. Когда ты будешь смотреть наши домашние записи, ты сразу же узнаешь Эдди. Внешность часто обманчива и, хотя у него отсутствовало несколько передних зубов, и он частенько бывал небритым, его глаза светились такой любовью и умом, что все остальное отходило на второй план.

Нана была для Эдди словно дочь. Она всегда находила время, чтобы выбрать для него какую-нибудь приличную одежду в подарок на Рождество или на день его рождения. Я думаю, что эта новая одежда была единственной, которую он получал за весь год. Нана всегда потакала его вкусам и готовила его любимую еду. Один раз она подарила ему тарелку, которую вешают на стену, с надписью: “Единственная разница между булыжниками, мешающими вам пройти, и камнями, положенными для перехода через речку, заключена в том, как вы их используете”. После смерти Эдди, я спросил его детей, можем ли мы получить эту тарелку обратно; и я очень благодарен им, что они позволили нам ее забрать. Попроси Нану показать ее тебе вместе с нашей фотографией с того Рождества, когда мы ее подарили Эдди. Я молюсь, чтобы твой отец сохранил обе эти вещи, когда мы с Наной покинем вас.

Мы предлагали Эдди переехать в Картэдж. Разлука плохо сказывалась на нас. Мы скучали по нему и по тому, что он привносил в нашу жизнь. К сожалению, он решил остаться в Кеноше. Возможно, он думал, что мы хотим свести его с матерью Наны, по крайней мере мы всегда шутили по этому поводу. Я полагаю, настоящая причина кроется в том, что он не захотел быть обузой для нас. Он проводил в Картэдже от четырех до восьми недель в году, и не было такого раза, чтобы оказавшись в Кеноше я не повидался бы с ним. Много раз я останавливался у него дома. Но это совсем другая история, которую я тебе когда-нибудь расскажу.

Эдди, также как Нана и Лала, научил меня беззаветной любви, какой он любил Нану, меня, твоего отца и Кристину. Я никогда не видел Эдди пьяным, курящим и никогда не слышал от него брани или слова лжи. Он был одним из самых умных людей, которых я знал, получившим свое образование в уличных университетах. Его внешний вид и стиль жизни не создавали вокруг него ауру успеха (старые машины, полные всякого хлама, древнее оборудование и автопогрузчики, сваленные вокруг его дома). Он умер, оставив на своем счете в банке, немногим меньше \$10.000, но все равно, я думаю о нем, как об одном из самых богатых и наиболее удачливых людей, которых мне только приходилось встречать. Он рассказывал мне, что четыре раза становился миллионером и каждый раз терял заработанные деньги. Он владел механическими мастерскими, которые производили вещи, недоступные другим и, даже, одно время, будучи профессором, преподавал

инженерное искусство в университете Нортвестерн. Эдди сказал мне, что за свою жизнь он сменил более сотни профессий, перед тем как он ушел “чтобы досмотреть оставшуюся часть шоу”. Он рассказал мне о большинстве из них, о том как его семья переезжала, и все начиналось заново. Однажды, нам нужно было везти Кристину в Детройт на ежегодный осмотр к доктору Нэдлеру. И мы решили пригласить и Эдди отправиться с нами. Пока мы были там, мы успели посетить музей Генри Форда и Гринфилд Виллидж. Я не могу дождаться того времени, когда смогу свозить тебя туда. Когда мы поедем туда вдвоем, я постараюсь повторить столько историй Эдди, сколько я смог запомнить, из тех которые он тогда рассказал. Его жизнь охватила бесчисленное множество технологических изменений, большинство из которых удачно демонстрируются в музее Форда. На второй день, мне пришлось взять на прокат коляску для Эдди. Он был слишком измотан после первого дня, но не настолько, чтобы прекратить рассказывать нам свои истории. Мы все по очереди катили его во время экскурсии по Гринфилд Виллидж. Эдди умер в 1988 году. После смерти Кристины он стал сам не свой. Он присутствовал на ее похоронах, и я думаю, что его большая часть была похоронена вместе с нею. В следующие три года Эдди стал забывчивым, но сохранял ясность ума, достаточную, чтобы понимать это. Это по-настоящему злило его. После смерти Кристины он никогда больше не приезжал в Картэдж, но я провел несколько ночей в его доме. Иногда я спал на диване в гостиной, а временами он уступал мне свою кровать, а сам ложился на диван. Я никогда не чувствовал себя ближе к Эдди, чем в то время, когда его дети попросили меня произнести прощальную речь на похоронной церемонии. Никакого священника, только мои прощальные слова к Эдди. Я сказал его детям и немногим друзьям, пришедшим на похороны, что всегда считал его добрым Христианином и слугой Господа. Он не кичился своей верой, так, что любой мог бы разглядеть это..., он жил ею. Его любовь и его время, подаренное моей семье и другим людям, можно сравнить с главой из книги о том, как быть праведным христианином. То, что оказывалось скрыто от непосвященного взора, это прикосновения любви, которые пронизывали все, что он говорил и к чему прикасался. Своей способностью любить тебя и других я во многом обязан Эдди, который, как и Лала, показал мне на своем примере, что во всем и каждом надо видеть только хорошее.

Глава 10:

Твои Мама и Папа

1 Послание Петра 1:13 “Посему, [возлюбленные,] препоясав чресла ума вашего, бодрствуя, совершенно уповайте на подаваемую вам благодать в явлении Иисуса Христа”.

Ни одна история, повествующая о прикосновениях любви, которые я описывал как Божью милость, будет неполной без рассказа о том, сколько любви и радости подарили нам твои родители. У них и самих будет, что поведать тебе (и возможно твоим братьям и сестрам). Я не буду рассказывать за них истории, предоставлю это им самим.

Я хочу начать свой рассказ с мысли о том, что если бы Господь предоставил мне возможность выбирать сына, растить его по своему усмотрению, учить и наблюдать, как он становится мужчиной, то я все равно не смог бы справиться с этой работой лучше Творца. Я люблю твоего отца больше всех на свете (ты еще не забыл, что моя любовь к Нане немного другая). Я так горжусь им, что у меня не хватает слов описать то, что я чувствую. Хотя, иногда, (а может быть и большую часть времени) я не показываю ему этого. Что это за прикосновение любви? Боже мой, почему я отношусь так к людям, которых люблю больше всего на свете? Неужели другие люди поступают точно также. Мы все должны задуматься об этом. Прости меня, Спанк.

Вместе с подарком на окончание школы я написал письмо твоему отцу. Если оно сохранилось, попроси у него разрешения его почитать. Если же нет, то, возможно, он сумеет вспомнить его содержание и расскажет тебе все, что там было. Я молюсь, чтобы оно имело для него такое же значение, как и для меня. На следующий год, после того, как он отправился на второй курс в колледж, я дал ему с собой книгу “Библия за один год”. Когда он уехал, я молился, чтобы эти страницы помогли ему заново открыть для себя Иисуса Христа. Во время своего первого года обучения у него появились некоторые сомнения. Кто мог винить его в этом, принимая во внимание то, что ему пришлось пережить и потерять, и видя как страдают его родители. Он усомнился. Я был обеспокоен, но твоя Нана не испытывала никаких сомнений. Я не мог успокоиться, пока мы с Наной не посмотрели фильм “Индиана Джонс, и последний крестовый поход”. В конце фильма, герой вынужден сделать решающий

выбор между несколькими чашами, в попытке угадать, из какой же пил Иисус на Последней Вечере. После того, как актер сделал правильный выбор, спасший ему жизнь, действия и музыка достигли своего апогея. Нана прошептала мне кое-что на ухо, я и заплакал. Начиная с этого момента, я не мог сосредоточиться на фильме и не знаю, чем он закончился. У меня есть эта видеокассета, и однажды, мы вместе с тобой сможем посмотреть его до конца.

Оказывается, твой отец и Нана сходили на этот фильм неделей раньше и, когда актер разглядывал чаши, чтобы сделать выбор, твой отец сразу распознал нужную. Он тотчас же увидел связь. Он выбрал правильную чашу, потому что она была самой простой... такая, которую выбрал бы сам Иисус. Он сердцем почувствовал чашу, к которой лежало и сердце Христа.

Я не знаю, читал ли он когда-нибудь ту книгу, что я подарил ему, но я точно знаю, что Христос жив в его сердце, и его рука видна в жизни твоего отца и твоей матери. Когда я смотрю, как ты молишься Иисусу и слышу как ты поешь "С днем рожденья тебя" Иисусу за нашим Рождественским столом, я понимаю, что Христос занимает центральное место в вашей семейной жизни.

Ноа, я рассказывал тебе, что будучи подростком, я лгал моей матери, отцу, брату, сестре и многим своим друзьям. Благодаря Богу, благодаря прикосновению любви, подаренному мне Наной, Том и Кристина не унаследовали мой ген вранья (если конечно такая вещь существует). Однажды вечером, когда твоему отцу было 12, а Кристине 10, мы собрались вместе и заключили своего рода договор, который гласил: "Мы хотим, чтобы вы двое всегда говорили нам правду, несмотря на последствия".

Твой отец дал мне много поводов для гордости...стал скаутом-разведчиком..., нападающим своей баскетбольной команды..., после окончания колледжа получил диплом MBA (магистра экономики управления). Но самое приятное для меня воспоминание, которым я горжусь больше всего, это, когда он вышел вперед и признал, что совершил нехороший поступок в школе. Он понес наказание, которое заключалось в отстранении его от участия во внеклассных мероприятиях. Было еще тринадцать или пятнадцать других учеников, которые участвовали в проделке наравне с ним, но только у твоего отца достало мужества выйти вперед и во всем признаться. Я так рад, что мы заключили тот договор с

Кристиной и твоим отцом. Нане и мне, возможно, не всегда нравилось то, что мы слышали, но, зато, мы всегда знали, что это правда (Это еще не вся история, и я надеюсь, когда-нибудь он расскажет тебе об этом). Это невыразимо приятно, чувствовать, что твой ребенок говорит тебе правду. Как бы я хотел, чтобы эту радость poznali и мои родители. Прикосновение правды очень трогательно.

Когда твой отец ввел в нашу жизнь твою мать, незадолго перед Днем Благодарения 1992 года, я почувствовал, что Господь посылает мне еще одну дочь. Мне не нужно рассказывать, как тебе повезло с такой матерью. К тому времени, как ты прочтешь это, ты будешь знать это лучше, чем я смог бы описать это словами. Я хочу сказать, что твоя мать наделена способностью дарить другим прикосновения любви. Они так и льются из нее, когда я наблюдаю за тем, как она держит тебя на руках, учит тебя и, даже когда она говорит своему Ноа - "Нет". Она наделена прикосновением любви, называемым материнской любовью и, поэтому, насколько я могу судить, справляется со своими обязанностями не хуже Наны, хоть и на свой манер. Да, у них разные манеры воспитания; так хочет Господь.

Твоя мама подарила мне одни из самых согревающих душу подарков, которые я только получал; например книгу "Когда найден будет последний желудь" или Рождественский Гвоздь, которым мы каждый год украшаем нашу елку. Я берегу эти дары также, как карты, подаренные мне под Рождество Кристиной и твоим отцом. На самом деле мне так понравились эти ее два подарка, что я дарил такие же вещи многим своим друзьям. Прикосновение любви твоей матери, в свою очередь коснулось многих других людей. Я не слишком часто благодарю Бога за такую невестку. СПАСИБО ТЕБЕ ГОСПОДИ.

Глава 11:

Прикосновения Любви:

Вера

Иудеям 4:16 “Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи”.

Любой человек должен благодарить судьбу за то, что в его жизни есть такой человек, как Вера. Я знаю, что это Господь поставил ее на моем пути, хотя я не часто благодарю его за это. Твоя Нана владеет моим сердцем, я обещал ему ей, пока смерть не разлучит нас. Но Вера тоже занимает часть моего сердца, зарезервированную для самых лучших друзей, тех с которыми ты можешь поделиться всем. Такие друзья как Вера, Эдди, как Христос знают тебя таким, какой ты есть на самом деле, любят тебя несмотря ни на что, и всегда пытаются помочь тебе стать тем, кем ты можешь стать (раскрыть все твои способности). Как друг, Вера помогла мне раскрыть весь свой потенциал. За более чем тринадцать лет нашего знакомства она была для меня всем, включая друга:

?? Духовным наставником, всегда пытающимся заставить меня каждый раз по-другому смотреть на Христа.

?? Человеком, с которым можно поговорить, который умеет слушать и отвечать на вопросы, даже зная, что ответы могут мне не понравиться.

?? Человеком, который не любит хвалиться великолепно выполненной работой.

?? Человеком, который проследит, чтобы мне досталось большее количество почестей, чем я того заслуживаю.

?? Человеком, готовым пожертвовать своим временем, который всегда предложит поддержку и понимание.

?? Человеком, соглашающимся делать то, что я делать не желал (а в одном случае просто не мог).

?? Человеком, который мог мне довериться, если она хотела поговорить или попросить поддержки.

Когда Дебби Легgett, мой секретарь, решила уйти с работы, чтобы ухаживать за своим малышом, я мучился следующие пару лет, пытаясь найти необходимую мне поддержку. Когда я готовился к очередному интервью с претендентом на эту должность, Вера пришла ко мне в офис, и там мы с ней и познакомились. Наш офис менеджер Джейн, считала, что Вера “то, что надо”, и хотела, чтобы я с ней познакомился. Я не очень хорошо провожу интервью и не знаю, как правильно

задавать вопросы. Вера была профессионально одета, и в ее голосе было столько уверенности в себе, когда протягивая мне руку, она сказала “Здравствуйте, меня зовут Вера”. Я уже тогда понял, что она получит эту работу, но мне необходимо было задать ей еще один вопрос: “Как вы относитесь к выполнению персональной работы?” Она ответила: “Нормально, если вы не будете зверствовать словно Огр. Я спросил, кто такой “Огр”. Она ответила: “это - !@#^&\$##.” Я сказал: “Вы приняты”. Проработав первый день вместе, мы отправились в банк и заполнили банковскую карточку на ее имя, чтобы она могла получить доступ к нашим счетам. Я никогда не смотрел на банковские справки, не проверял ее работу или был недоволен тем, что оказал ей такое доверие. Это было началом прикосновения любви, которое продолжается и по сей день.

Если Вера захочет, то расскажет тебе о наших с ней отношениях. Я уже говорил тебе, что она делает так, чтобы я получал большее признание, нежели то, которое заслуживаю, за свою работу. Давай я приведу тебе пример. Издательство прекратило выпуск книги “Следы Фэллоуа Страггера”, которая принесла так много утешения Нане и мне после смерти Кристины. К тому времени мы раздали около ста экземпляров этой книги, и Вера знала, как много значит для меня помочь кому-нибудь облегчить страдания и придать силы, как это было с нами. С разрешения автора, Вера взяла последнюю оставшуюся у нас книгу, и перепечатала ее на компьютере, так что я смог и дальше делиться этой историей с другими людьми. Ее прикосновение любви, благодаря заботе... не только обо мне, но и о других страждущих людях, о которых она никогда не узнает, помогло многим из них.

Ларри Хиггинс

Иоанн 1:16 “И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать”.

Ноа, Ларри был особым Божьим посланцем, таким как Джон Клайн и мистер Иссерман, который появился в моей жизни, когда прикосновение любви было просто необходимым. Помнишь мои слова, что Господь всегда все делает вовремя? Это не совпадения, просто Он принимает в нас участие. “Богосовпадения”.

Впервые я повстречал Ларри в году 63 или 64. Я даже представить себе не мог, что спустя восемь лет мы назовем

его именем нашего третьего ребенка. В четыре часа утра я был разбужен стуком гравия по моему окну (тому же самому, в которое угодила ветка дерева). Можешь себе представить, как напугал меня этот звук. Когда я выглянул наружу, то увидел, что это вовсе не ураган, а всего лишь мой отец с каким-то незнакомцем разгребают гравий. Когда они увидели, что я проснулся, они закричали: “Не приготовишь ли нам завтрак?” Я пустил их внутрь. Было видно, что они не ложились спать всю ночь. Сейчас они хотели перекусить перед партией в гольф. Отец познакомил меня с Ларри и объяснил, что тот работает в “Стэдли Компани” в Картэдже, штат Миссури, и что он постоянный клиент “Уэллс Компани”. Я приготовил им завтрак, и, когда рассвело, и посмотрел, как они сделали по первому удару. Когда они поехали дальше, я надеялся на то, что их тележка сломается в самом дальнем углу поля и им придется самим тащить клюшки назад в клуб. В следующий раз я повстречал Ларри, когда работал в “Уэллс Компани” на сверлильном прессе. Кто-то пнул мой стул, а когда я обернулся, то увидел Ларри, который сказал мне: “В следующий раз я не хочу увидеть тебя рядом с прессом. У тебя есть более важные дела”.

Я проработал в “Уэллс Компани” какое-то время, и поэтому знал немного о компании Ларри. Мне рассказывали множество историй о нем, он был чем-то вроде легенды. Первые две встречи с ним были подобны пробуждению, но тогда я не смог разглядеть легенду....

Следующие три года я был занят в нескольких экспериментальных проектах, а также занимался обслуживанием оборудования, что дало мне возможность чаще видеться с Ларри и, соответственно, получше его узнать. Я очень многому у него научился. Ларри может легко понравиться и даже полюбиться, но он совершенно непредсказуем и его невозможно понять. Я не буду тратить много времени, рассказывая тебе истории “Ларри”, их просто слишком много, но расскажу тебе всего одну, за которую я всегда буду любить его. Я желаю, чтобы тебе встретился такой же “Ларри”, которого бы ты полюбил, и который служил бы тебе проводником, как он для меня.

Когда умер наш сын, Ларри и его жена утешали нас с Наной, как могли. Ларри был всегда рядом, чтобы помочь мне освоиться, когда я начинал работать в “Леггетт и Платт”. Я очень признателен Ларри за эти безвозмездные прикосновения любви. Я всегда буду любить его и думать о

нем, пока живу и работаю. Одним из самых драгоценных прикосновений любви Ларри была организованная им перевозка авиа компанией Озарк Эарлайнз гроба с телом Кристины из Джоплина в Милуоки. Он взял себе билет на тот же самолет, чтобы проследить за пересадкой в Сент-Луисе. Он также взял на себя заботу о том, чтобы самолет был встречен людьми из похоронного бюро и гроб с телом Кристины вовремя прибыл на похороны. Несмотря на его заботу, я не поблагодарил его тогда, за все что он сделал, но хочу показать всем на этом примере, что значит беззаветная дружба... помочь кому-нибудь, сделать что-то особенное для того, кто в этом нуждается... что бы это ни стоило. Нам всем, когда-нибудь потребуется поддержка, не в этот раз, так в другой.

Будучи другом, делать то, о чем тебя не просили, независимо от того, чего бы это тебе не стоило - это и есть жизнь, любовь и дружба. Я люблю тебя Ларри. Поверь, я передам другим то, что получил от тебя. СПАСИБО ТЕБЕ!

Кэти

Послание жителям Эфеса 2:8 “Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, а Божий дар”.

Я познакомился с Кэти Куи в 1996 году, когда мы с Филиппом Шеном посещали наши новые производственные мощности в Шанхае, где мы арендовали их тремя месяцами ранее. Филипп представил меня Кэти, единственной нашей работнице на то время, и мы отправились на деловую встречу. Мы собирались встретиться с ней позднее этим же вечером. Предполагалось, что Кэти возьмет на себя функции моего гида и переводчика. Лишь после того, как Филипп улетел, выяснилось, что она такая же чужая в Шанхае, как и я. Был декабрь, и погода стояла очень и очень холодная. Под шерстяным костюмом я носил шелковые кальсоны, а сверху на мне было пальто и перчатки. Я вошел внутрь того помещения, которое вскоре должно было стать нашей фабрикой, размышляя, планируя и мечтая о том, во что она со временем превратится, что наша компания может предложить Китаю, и что Китай может значить для “Легgett и Платт”. Когда я замерз настолько, что не мог больше находиться внутри этого помещения, я прошел в офис, в котором было лишь

немногим теплее. Небольшой обогреватель давал практически столько же тепла, сколько мог бы излучать, не будучи включенным в розетку. Я оглядел все четыре пустые стены. Там не было отопления, и присутствовали всего лишь две электророзетки. У Кэти была кастрюлька с горячей водой, жалкий обогреватель, включенный в одну розетку и компьютер, занимающий соответственно вторую (Какой контраст технологий!). Кэти ела суп, который она должно быть согрела на тепле обогревателя. Она предложила мне чай, и я пристроился на коробку рядом с калорифером. Я пил чай, оставшись сидеть в пальто и перчатках. После того, как Кэти закончила есть суп, я принялся расспрашивать ее.

“Как долго вы работаете на “Легgett и Платт”?”. “Четыре или пять месяцев” - ответила она. “Как получилось, что вы устроились на работу именно к нам?” Она рассказала мне, что ее отец повстречал Филиппа годом раньше на торговой выставке. У него была небольшая фабрика по производству мебели во Внутренней Монголии, и он хотел, чтобы его дочь работала в американской компании. В то время, наш офис находился в Пекине, поэтому Кэти съездила туда на собеседование, её приняли на работу, и она перебралась жить в столицу. Затем, наш офис переехал в Шанхай, и Кэти пришлось поехать следом. Я думал о том, сколько надо иметь мужества, чтобы раз за разом переезжать в чужой город. Переезд на новое место - это всегда море проблем, но в Китае число этих проблем удваивается.

Представьте себе переезд в города с населением более десяти миллионов, где ты никого не знаешь, и где тут же возникают вопросы с поиском жилья, и как добираться до работы (Кэти, как и большинство китайцев, не имеет машины, но это ещё ничего...она просто не умеет водить машину). Теперь, представьте себе, что ей пришлось дважды за короткое время совершить такой подвиг. Что за мужество! Какая требуется уверенность в своих силах, чтобы преодолеть такие трудности.

Кэти заказала такси, и мы отправились в центр Шанхая. По дороге мы остановились у ее квартиры, чтобы она могла переодеться. Когда водитель вел машину по грязному шоссе (видимо его мостили всего однажды и с тех пор не подновляли, поэтому дорога была вся в рытвинах, забитых мусором), я представил себе, что Кристине пришлось бы жить в таких же условиях, когда начиналась ее карьера. Весь район, насколько мог охватить глаз, был полностью застроен

15-этажными зданиями из неокрашенного бетона. В каждом из них на одном этаже располагалось примерно по десять небольших квартир, и в каждой квартире было по маленькому балкончику, забранному ржавой решеткой. Но больше всего меня поразило то, что балкончики, даже на самых последних этажах, имели эти решетки. Даже самый отчаянный вор никогда не смог бы забраться так высоко, но если бы он все же сподобился, то сомневаюсь, что у кого-то из живущих в этих домах, было что-то стоящее. Мне стало не по себе от того, что Кэти живет в таком районе.

Стоял холодный вечер, и людей на улицах было немного. А те, кого мы все-таки видели, сосредоточенно и споро шагали куда-то, словно не желая понапрасну терять время. Пока Кэти собиралась, я решил выйти из машины, чтобы немного пройтись. Как же изумлены были люди, увидавшие меня! Скорее всего я был единственным человеком европейской наружности во всем квартале. Прогуливаясь, я разглядывал окна, выходящие на улицу. За окнами и на балконах я видел цветы в горшках, белье, развешенное на веревках, подпертых бамбуковыми палками, и всякий хлам. Я мог разглядеть, что комнаты освещались простыми лампочками без абажуров, мебели почти не наблюдалось, а стены выглядели точь-в-точь как снаружи, цвета неокрашенного бетона. Я отошел уже примерно на сто ярдов от такси, когда ко мне подошла Кэти и поинтересовалась, готов ли я отправляться дальше. Пока я возвращался к машине, какой-то голос внутри меня, которого я знаю как Святого Духа, взял на себя разговор с Кэти. Я спросил ее, знает ли ее отец, в каком месте она живет. Кэти, не раздумывая, сказала, что нет. Она врала ему, значительно приукрашивая свои жилищные условия. Она не хотела волновать родителей, не хотела, чтобы она слали ей деньги, которых у них и самим не хватало. Каким мужеством надо обладать, чтобы находясь в чужом городе, в стране число жителей которой превышает 1,2 миллиарда человек, не имея денег и друзей, не просить о помощи двух самых близких тебе людей, которые могли и должны были бы помочь. Когда мы вернулись в такси, я подумал, что ложь ложью, но она значительно отличается от той лжи, которую я предлагал своим родителям. Я почти расплакался, когда представил Кристину, живущую в таких условиях. Я спросил Кэти, чувствует ли она себя в безопасности. Когда она ответила "Нет", я сказал что она сегодня же переезжает отсюда и, чтобы завтра она приехала и перевезла свои вещи на новое

место. И что сегодняшнюю ночь она проведет в отеле, неподалеку от нашей фабрики. Она попыталась отказаться от моего “предложения”. Но это было не предложение, а своего рода приказ. Я настоял, чтобы водитель отвез нас в отель. Я объяснил Кэти, что мы с Филиппом были там этим утром, чтобы посмотреть на номера, в которых мы планировали разместить наш технический персонал, когда они приедут для обучения китайских партнеров. Я снял небольшой номер для Кристины...один из тех, в котором была своя ванная комната. Я договорился с Санни, нашим технологом из Гуанчжоу, чтобы на следующий день он помог Кэти с переездом.

В такси, направляясь в центральный район Шанхая, я спросил Кэти, как она получила свое имя. Она объяснила, что большинство китайцев, имеющих западные имена, получили их от своих учителей английского. Когда Кэти рассказала мне, что училась в школе, наподобие миссионерской, мой крошечный внутренний голос подтолкнул меня спросить, знает ли она Иисуса Христа. Я никогда не забуду ее ответа: “Я принимаю его разумом, но не сердцем”. Даже не спрашивая, желает ли она побольше узнать об Иисусе, я достал из своего портфеля Новый Завет, который дал мне в дорогу мой возлюбленный брат во Христе Брюс Вонг. Я (мы - Святой Дух и я) порекомендовал ей некоторые истории об Иисусе, и попросил прочитать их этой ночью. Я сказал, что мы еще вернемся к этому разговору, и я постараюсь ответить на все вопросы, которые могут у нее возникнуть.

Мы провели весь остаток дня, осматривая достопримечательности и делая покупки, пока Филипп был в офисе у нашего юриста. Среди моих покупок был масляный радиатор для новых апартаментов Кэти. По причинам, которых я никогда не пойму, квартиры оборудованные электрическими плитами и холодильниками, не имели обогревателей. Кэти пыталась отказываться от каждого моего предложения помощи, пока я не объяснил ей, что я не смог бы спокойно спать, зная, что моя дочь живет там, где жила она и обходится без горячей воды. Я рассказал ей, что Кристина умерла, и что я больше ничего не могу для нее сделать, но я хочу и могу сделать что-нибудь для чьей-то другой дочери. Она смягчилась.

Я видел начало того, как человек приходит к Иисусу. В течение следующих двух лет я несколько раз виделся с Кэти во время своих поездок в Китай. Мы разговаривали об Иисусе и обсуждали истории из Библии, которую Кэти регулярно

читала. В перерывах между поездками Вера принималась вдохновлять и просвещать Кэти по телефону, факсу и электронной почте. Кэти объясняла, как тяжело для нее было понимать Библию, частично из-за того, что она была на английском. Я дал ей достаточно денег, чтобы она приобрела Новый Завет на китайском языке в ближайшем магазине христианской литературы. В конце концов, Кэти нашла его через церковь, расположенную за много километров от ее дома. Кто-то из церковных служителей доставил его ночью прямо в ресторан. После этого, Иисус стал для Кэти более реальной фигурой. Вера и Лилиан, новичок в офисе, тоже сильно верующая в Иисуса, привнесли Христа в жизнь Кэти. В 1998 году Кэти приехала в Картэдж в качестве переводчика с группой наших клиентов из Китая. Я спросил ее, перед тем, как она приехала, готова ли она принять Иисуса как своего Господина и Спасителя и не хотела бы она покреститься? Если она захочет, то Вера или я могли бы все организовать. Мой пастор, Расти Мэгард, согласился побеседовать с Кэти, и если она будет готова, он окрестит ее. Когда настал этот день, мы спросили Кэти, хочет ли она разговаривать с пастором одна, или хочет, чтобы мы присутствовали рядом с ней (Вера и я надеялись, что она попросит нас об этом). Какое мужество! Ее первый вопрос был, а что если священник, которого она ни разу не видела, не захочет ее крестить? Зная, что такая возможность не исключена, она позволила нам присутствовать. Мы ждали в святилище, пока они с Расти беседовали в офисе. Спустя тридцать минут они вместе вышли к нам. Ни слова не говоря, они прошли прямо к купели для крещения и Расти начал службу. Твоего отца, тетю Кристину и дядю Ларри крестили всех вместе, когда отцу было 4 года. Церемония их крещения вкупе с твоим была одним из самых прекрасных зрелищ, которые мне только доводилось видеть в церкви. Но увидев, как Кэти преклонила колени перед Богом и Расти, я, как никогда раньше, ощутил красоту происходящего и величие прикосновения любви. Это был первый раз, когда я видел, как взрослый человек приходит к Иисусу. Там, в самой жалкой из всех поз, мы могли видеть, как сила и благодать Господа окружают Кэти и вливаются в нее. Я плакал, вспоминая последние слова, сказанные Иисусом на кресте: "Все закончлось". Сейчас, для Кэти старая жизнь была по-настоящему завершена. Неважно, куда бы она не отправилась, и что бы с ней не случилось, она никогда больше не останется одна. Иисус Христос благословил ее сердце,

пометив его Своим особым прикосновением любви... дар каждому, который зовется Святым Духом.

Хэрри

Римлянам 5:15 “То тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих”.

Практически все, что я знаю о работе, мире бизнеса и о том, как в нем крутиться, я узнал от четырех человек: моего отца, Джона ДеСантиса, Ларри Хиггинса и Хэрри Корнелла. Но было много и других людей, вроде твоего другого деда, Феликса, которым я благодарен за науку. Я никогда не забуду его записку “добро пожаловать домой”, которую я получил, когда собирался сделать одну очень глупую вещь (Это длинная история, которую я расскажу тебе, когда, однажды, мы будем сидеть в лодке и удить рыбу).

С Хэрри Корнеллом я познакомился в 1972 году. Во время нашего первого совместного ужина, он спросил меня, что нужно предпринять фирме “Леггетт и Платт”, чтобы на полную катушку использовать все преимущества новой конвейерной системы Уэллсов. И по сей день, он не прекратил бросать вызовы мне и множеству других людей, чтобы мы использовали свое время с 110 или 120% пользой, делали работу во что бы то ни стало, охватывали все, не забывая ни об одной, даже малейшей детали, и полностью использовали данные нам Богом способности и таланты. Он всегда добивался того, чтобы обычные люди, наподобие меня, получали достаточную мотивировку на достижение изумительных результатов.

Я прекрасно осознаю, что Хэрри - человек, со всеми присущими ему слабостями и недостатками. Но я также знаю (хотя он не любит, чтобы я об этом говорил), что он по-настоящему глубокий, интересный и набожный христианин. Хэрри столько раз и во стольких ситуациях дарил мне прикосновения любви... иногда при помощи сердца, а иногда и силы. Эти прикосновения любви могли исходить только от друга или отца.

Если кто-нибудь поинтересуется, почему имя выпускника школы, не имеющего высшего образования, стоит более чем на 50 патентных свидетельствах, каким образом он дослужился до вице-президента и топ-менеджера компании, включенной журналом “Форчун” в список 500 лучших компаний США, и внес вклад в успешное развитие фирмы “Леггетт и

Платт”, скажи ему, что в этом заслуга Бога и... Хэрри. Их заслуга состоит в том, что они указали мне путь, и подсказали как поделиться этим знанием с другими. Спасибо тебе, Господи за такой необыкновенный знак любви...и спасибо тебе, Хэрри.

Чиара

Лука 2:40 “Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на Нем”.

Когда умерла Кристина, я возвел в своем сердце стену, толщиной и высотой в милю. Я не хотел, чтобы Нана или твой отец когда-нибудь его покинули, и уж, чтобы ни в коем разе, ни один человек, а, в особенности, маленькая девочка, никогда не смогла занять в нем место. В то время я считал разумным, что если я закрою дорогу любви, то смогу избежать большей боли, которая приходит вместе с радостью любви. Ноа, я ошибался... не в том, что вместе с любовью приходит боль; я был не прав по поводу стены.

Ты родился в январе 1998 и ни одна стена, как бы высока она не была, не смогла бы устоять перед тобой. Одна твоя улыбка или объятие заставила бы стену волшебным образом исчезнуть, но не тебе представилась такая возможность, другой человек сделал это за тебя. В октябре 1998 года мы вместе с твоим отцом и матерью проводили время с одной семьей из Италии. Когда мы пригласили их погостить у нас, то не знали, что они возьмут с собой дочь, Чиару. Мы были удивлены, увидев ее в аэропорту, но через сорок восемь часов стена, возведенная мной, пала перед Чиарой, словно дух Самсона вселился в нее. Она могла произносить всего несколько слов по-английски, но зато просто-таки излучала любовь.

Меньше чем за неделю, эта семилетняя девочка покорила мое сердце, во многом напомнив мне Кристину. Следующим летом Чиара согласилась провести шесть недель у нас в гостях (конечно же, мы сперва получили согласие ее родителей). Эти шесть недель многому научили меня, кое-что я знал когда-то, но забыл или не хотел вспоминать...например, как играть с ребенком и как играть, не обращая внимание ни на что другое. Самым важным даром прикосновения любви Чиары было то, что она напомнила мне радость общения с ребенком и завершенность, которая приходит от понимания того, что ты

любишь дитя и оно отвечает тебе взаимностью. Я успел хорошенько подзабыть, какие прекрасные чувства я испытывал, когда твой отец, Кристина и Ларри, будучи детьми, делили со мной свою любовь много лет назад.

Пожилая леди с неприятным запахом

2 Послание Корифеям 1:12 “Не по плотской мудрости, но по благодати Божией”.

Ноя, во время своего рассказа, я несколько раз упоминал Святого Духа, постоянного компаньона и друга, данного нам Христом. Этот дар и благодать, проистекающая от прикосновения любви Иисуса, абсолютно бесплатны...но не потому, что мы их нашли, не потому, что заслуживаем их, и, уж конечно же, не потому, что трудимся, чтобы заполучить их. Христос единственный, кто мог запросто подарить их нам, потому что он один заплатил по нашим счетам на кресте. Я уже говорил тебе, что не припомню ни одного раза из своей жизни, чтобы я не ощущал присутствие Христа рядом с собой (но могу вспомнить времена, когда меня не было с ним), и у меня никогда не было проблем с пониманием, что такое Бог. Зато я не имел представления, что есть Святой Дух. Догадываюсь, что плохо слушал на занятиях по христианской культуре.

Давай, я расскажу тебе две истории про Святого Духа, которые произошли со мной в воздухе. Одна из них повествует о том, как, наконец, Святой Дух из чего-то абстрактного, стал абсолютно реальным для меня; другая история расскажет, как Святой Дух научился использовать меня по своему усмотрению, даже против моей воли.

Много лет назад я летел на самолете, который был под завязку забит пассажирами. И, чтобы усугубить ситуацию, мне досталось место на среднем сидении. Как ты знаешь, я не очень уютно чувствую себя на этом месте. Взлет задерживался, и чем больше я сидел в неудобном кресле, тем большую неприязнь я испытывал к соседям, стюардессам, авиакомпании и любым людям, которые оказывались в поле моего зрения. Конечно, не их вина, что мне не хватало места для того, чтобы удобно расположить руки, или, что я был слишком большим, чтобы нормально разместиться на среднем сиденье, но все это вкупе, не способствовало тому, чтобы унять мою раздражительность.

Я сидел там, жалея себя, наливаясь злобой с каждой минутой. И тут я услышал, как внутренний голос предлагает мне открыть и почитать Библию. После того, как он несколько раз повторил это, я раздвинул локти, потеснив обоих соседей, и наклонился, чтобы достать свой портфель из под переднего сидения.

К тому времени, когда Библия была уже у меня в руках, самолет взлетел, и стюардессы стали разносить обед, так что возможность пройти в конец самолета, где можно было спокойно постоять и почитать Библию, полностью исключалась. Я открыл Священное Писание на том самом месте, где я закончил читать в прошлый раз. Мой взгляд упал на следующие строки из святого Иоанна, глава 20: “Он дыхнул на них и произнес: “Примите Святой Дух.” Как только я прочел эти слова я закричал: “Эврика”! Все люди, сидящие на расстоянии тридцати футов от меня, наверняка подумали, что же этот сумасшедший выкинет в следующий раз. Мои соседи по обе стороны наверняка бы выпрыгнули с парашютом, если бы им представилась возможность оказаться от меня как можно дальше. Я не припомню, чтобы когда-нибудь использовал это слово раньше и с тех пор, я больше не употреблял его. Но, несмотря на это, именно слово “Эврика” сорвалось с моих губ, выражая радость, охватившую меня. Я уже не чувствовал себя почетным гостем на скорбном празднике. Радость переполняла меня. В тот самый момент я постиг связь между Богом, Иисусом и Святым Духом.

Мне всегда было легко представить связь между Богом на небесах и Иисусом Христом, как Его воплощением, на земле, но не было представления, куда же здесь вписывается Святой Дух. Сразу же после прочтения тех строк, я был готов связать воедино Святого Духа с Богом, через дыхание нашего Спасителя. Я пришел к пониманию природы Святого Духа, как второго дара Христа людям (первый естественно – это то, что Он принял смерть на кресте во искупление наших грехов).

Я хочу поведать тебе и вторую историю, связанную с самолетом, которой я поделился с моими учениками из воскресной школы. Один из учеников, спустя два-три года после окончания школы, вернулся назад в Картэдж и посещал мои занятия, как раз тогда, когда я в очередной раз рассказывал эту историю. После того, как я закончил свой рассказ, Джон попросил меня записать ее, сказав, что многому из нее научился и, что, если она будет записана, то возможно другие тоже смогут насладиться и почерпнуть из нее что-то

для себя. Я озаглавил ее так: “Если ты думаешь, что у тебя есть проблемы, спроси Пожилую Леди с неприятным запахом в теплом розово-сером костюме”.

Я выехал из Картэджа в четыре утра, чтобы успеть на самолет из Спрингфилда в Сент-Луис, где я хотел сделать пересадку на Бостон. Когда мы взлетали из Спрингфилда (на этот раз я сидел в проходе) небо было кристально синее, тронутое одним из самых красивых рассветов, какие мне только приходилось видеть. Когда мы приземлились, я выглянул в иллюминатор и был поражен, увидев глубокий снег, лежащий повсюду, за исключением взлетной полосы. Очевидно, что шторм, никогда не доходивший ни до Картэджа, ни до Спрингфилда, и бушевавший вчера весь день и всю ночь, отыгрался на Сент-Луисе. Администрация аэропорта объявила, что мой транзитный рейс был отложен на три часа, но самом деле никто не мог точно сказать, когда мы полетим. Чем дольше я ждал, тем злее я становился; я был готов оторвать кому-нибудь голову. Я мог спокойно отложить свою поездку на день и избежать последствий этого шторма, из-за которого было закрыто большинство аэропортов в восточной части США. Вместо того, чтобы торчать здесь, я мог бы находиться в своем офисе и заниматься делами. А теперь мне пришлось сидеть в битком набитом аэропорту, ожидая, когда этому проклятому самолету разрешат подняться в воздух. Бог свидетель, кто-то заплатит мне за это! В конце концов, они объявили посадку на наш рейс, и я был намерен занять боковое сиденье в проходе рядом с еще одним не занятым местом. Устроившись поудобнее, я приготовился работать. Но за мгновение перед тем, как должны были задраить люк, два человека помогли дородной пожилой даме в теплом розово-сером костюме подняться на борт. Угадайте куда она села? Вы правильно догадались, она уселась в МОЕ свободное кресло!! Они задраили люк, откатали самолет на пятьдесят футов и заглушили двигатель. Никакой “Эврики” в этот раз! Я был абсолютно вне себя, когда пилот по интеркому объяснил, что у них есть проблемы с наземным контролем полетов, и что нам придется провести на борту перед взлетом по меньшей мере 90 минут. С этого момента, старушка, не сделавшая мне ничего плохого, превратилась в объект моего раздражения. Она не только посмела занять свободное место рядом со мной, на которое я имел свои планы, но и совершенно отвратительно пахла. Ее теплый розово-серый костюм оккупировал мое пространство и мое обоняние тоже.

Никакого свободного пространства для работы, и никого, с кем можно было бы поговорить. Кроме того, от нее воняло. Что, позвольте спросить, мы могли обсуждать после этого?

Краем глаза я заметил, что у нее возникли определенные проблемы с ремнем безопасности, но даже не попытался предложить свою помощь. Ужасная погода и эта женщина, у которой отсутствует нормальное для любого человека желание мыться хотя бы время от времени, испортили мой день; так почему я обязан помогать ей? Затем я услышал внутренний голос, произнесший: “Предложи ей свою помощь”. Это вызвало молчаливые дебаты внутри меня. Я уверен, что они длились не дольше пары секунд, но мне казалось, что прошло достаточно времени. Как ты можешь догадаться, голос победил. Я спросил ее: “Могу ли я чем-нибудь помочь?”. Она ответила: “Нет”. “Отлично”, - подумал я про себя, теперь я могу не обращать на нее внимания и снова начать себя жалеть. Затем голос опять вернулся, сказав: “Предложи свою помощь еще раз”. На этот раз спор занял гораздо меньше времени, и снова я проиграл. Ее ответ опять был “Нет”. Я был уверен, что голос больше не вернется. Два раза я предлагал свою помощь, и два раза получал отказ. Но голос знал, что я могу сделать большее, и заставил меня повторить свой вопрос в третий раз. К моему глубокому разочарованию, женщина сказала: “Да”. Я взял ремень, размотал его и помог ей застегнуться. Ни единого слова благодарности не было произнесено в мой адрес. Я с облегчением подумал, что наши отношения на этом прекратятся, но голос знал лучше. Я получил его инструкции и спросил: “С вами все в порядке?” Никакого ответа. Подстегнутый голосом, я повторил свой вопрос. На этот раз она глубоко вздохнула и ответила: “Нет”. Я чувствовал себя, как будто открыл банку с червями, только на самом деле я не был в настроении рыбачить. Нужно быть честными сами с собой, сколько раз мы спрашиваем людей, все ли у них в порядке, надеясь услышать в ответ, что все прекрасно. На самом деле мы не хотим ничего знать об их проблемах; мы просто хотим быть приветливыми. Но этот случай не был похож на другие. На самом деле, я не старался быть с нею вежливым или приветливым, я всего-навсего выполнял указания голоса. Но он не оставлял меня в покое, и поэтому я спросил: “Могу ли я чем-нибудь помочь?”

Ее история началась днем раньше. Эта старушка вместе с мужем летела из Далласа в Бостон, чтобы побыть рядом с дочерью, которая умирала от рака мозга. Когда они прилетели

в Сент-Луис, из-за шторма был закрыт аэропорт. И эта пожилая растерянная пара, которая летела в Бостон, чтобы быть рядом с дочерью в последние часы ее жизни, застряли одни одинешеньки в аэропорту. Она рассказала мне, что пока они сидели там, у ее мужа случился обширный инфаркт сердца, и он умер на месте. Представь себе эту женщину, у которой мало денег, посередине аэропорта, среди тысяч людей, проходящих мимо и думающих только о себе, а еще и эта погода разрушившая их планы. Она не знала никого, к кому она могла бы обратиться, и никто не пытался ей помочь. Можешь себе представить, какой воцарился хаос, когда подоспела помощь, и когда все кругом начали плясать. Ее мужа забрали в госпиталь, подтвердили факт его смерти и созвонились с моргом. Эта пожилая женщина провела на ногах всю ночь, заполняя разные бланки и договариваясь о похоронах. Она вернулась в аэропорт и позвонила домой к дочери, чтобы узнать о состоянии ее здоровья. Ответила внучка, которая сообщила, что ее мама умерла примерно час назад. И вот теперь она ждала в аэропорту рейса на Бостон, чтобы организовать похороны и своей дочери. Чем дольше она говорила, тем меньше от нее пахло. Когда она закончила свою историю, не было такого, что бы я не сделал для нее. В этот момент я чувствовал себя так же близко к ней, как к своей матери. Я поинтересовался, есть ли у нее в сердце место для Иисуса Христа. Она без колебаний ответила: “Да”, и на лице ее проступил первый с начала разговора признак эмоционального волнения. Я спросил, знала ли ее дочь Иисуса; она улыбнулась и ответила: “Да”. Она продолжила свой рассказ, с материнской гордостью, описывая, как сильно ее дочь любила Господа и со смирением принимала свою болезнь и судьбу. Весь следующий час мы продолжали разговор о наших семьях. Я рассказал ей о нашем сыне Томе и двух детях на небесах.

Затем, я спросил ее, принимал ли ее муж Иисуса. Радость покинула ее лицо, когда она сказала мне, что вряд ли это так. Она видела, как он пару раз смотрел телевизионные проповеди, но он никогда не говорил, что принимает Иисуса Христа, как своего Спасителя.

Прошло уже более двух часов, с тех пор, как она поднялась на борт самолета. Я абсолютно забыл, что все это время мы находились на земле, в ожидании момента, когда нам разрешат взлететь. Наконец, двигатели самолета заработали и, когда мы были на высоте двадцати футов от земли, моя

соседка уже спала, склонив голову на мое плечо. Приземлившись в Бостоне, я разбудил ее и помог ей спуститься по трапу. Я предложил подвезти ее, куда нужно, но внучка уже встречала ее в аэропорту. Мы обнялись и попрощались, так и не узнав имена друг друга...но мы были уверены, что наши сердца породнились.

Я очень благодарен Господу, что на моем пути встретила та пожилая женщина с неприятным запахом в теплом розово-сером костюме. Я полюбил свой внутренний голос. Я учусь поменьше с ним спорить и побыстрее выполнять его указания. Не могу дождаться момента, когда я лично возблагодарю Иисуса за дар Его голоса. Я молюсь, чтобы мы всегда держали наши умы и наши сердца открытыми, что услышать голос и откликнуться на него.

Римлянам 15:15 “ Я писал вам, братия, с некоторою смелостью, отчасти как бы в напоминание вам, по данной мне от Бога благодати”.

Глава 12:

Заканчивая вместе

Исайя 40: 29-31 “Он дает утомленному силу, и изнемогшему дарует крепость. Утомляются и юноши и ослабевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут - и не устанут, пойдут - и не утомятся”.

Ноа, эти страницы провели тебя через все мои годы, прожитые без тебя. Ты, как и твой отец, Кристина и Ларри вошел в нашу с Наной жизнь, ты - часть нашего будущего, когда нас не станет, и ты снова навсегда изменишь, все, что мы знаем. Ты по-настоящему невероятный дар любви, живая благодать Господа. Я пытался научить тебя (и конечно же твоих братьев и сестер) настоящему смыслу Божьей благодати на примере жизни, прожитой благодаря промыслу Господа нашего. Я надеюсь, что ты ни на секунду не подумал, что:

?? Я чего-то не дополучил.

?? Я получил больше, чем должен.

?? Нана не дополучила что-то (Я оставляю за ней право самой рассказать свои истории тебе, когда она сочтет это нужным).

?? Кто-то получил меньше той благодати, которая была необходима, в то время, когда нам были ниспосланы прикосновения любви.

Это не говорит о том, что каждый из нас хотел или думал, что нуждается в прикосновении любви, когда нам их посылали. К несчастью, я должен признать, что по большому счету, я не был рад или благодарен за эти прикосновения, как был должен. Слишком легко посещать праздник скорби, когда ты на нем почетный гость. Большую часть времени, я не думал, что на меня нисходит благодать Господа Нашего (скорее я думал, что меня бьют по щеке или подставляют под обстрел).

Чаще всего моя реакция на прикосновения любви была следующей “слишком мало, слишком поздно”, “слишком много, слишком рано”, или “Попозже Господи, я еще не готов”. Но самое ужасное было тогда, когда я не узнавал в каком-то событии Божью руку...незаслуженный дар Господа нерадивому слуге Его. Вместо того, чтобы быть благодарным, я задавал вопросы, сопротивлялся и незаслуженно приписывал себе заслуги за все то прекрасное, что происходило у меня в жизни. Ноа, хорошая новость состоит в том, что я научился не задавать глупых вопросов и не

противиться воле Господа. Я с благодарностью научился принимать помощь свыше.

В 1995 году, спустя почти десять лет с тех пор как умерла Кристина, я получил урок Его прикосновения любви (которому я останусь благодарен на всю свою жизнь) и того, что все на свете меняется.

Твой отец и я решили отправиться в Британскую Колумбию, чтобы порыбачить с Малкольмом Маркусом (который является еще одним проявлением Божьей милости, и я, с нетерпением ожидаю возможности познакомиться тебя с ним) и его сыном, Адамом. Мы планировали поездку за год до этого. За два дня перед нашим отъездом, у Наны заболело горло и она позвонила в офис к доктору Эдвардсу, чтобы он прописал ей какие-нибудь лекарства. Бог взял все в свои руки. Доктор Эдвардс не захотел ничего выписывать, пока не осмотрит пациентку, и Нана поехала к нему на прием.

В тот вечер, когда я вернулся с работы, Нана сказала, что доктор просил меня позвонить ему домой. Доктор Эдвардс сказал мне, что у Наны застойная сердечная недостаточность. Он провел тесты в тот же день (Ты можешь себе представить, она даже не позвонила мне на работу!) На следующий день доктор Эдвардс договорился с доктором Муром, что тот посмотрит Нану. Он сказал, что если ничего не предпринимать, то Нана проживет не больше года. Прикосновение №1.

На следующий день мы отправились в офис к доктору Муру. Несколько лет назад Нана играла в теннис с его женой. А я вместе с доктором Муром посещал Христианские субботние встречи, но с тех пор я его не видел и не знал, вспомнит ли он меня. Когда доктор Мур встретил нас в одной из своих приемных, Нана сидела на столике для осмотра, а я устроился в кресле. Мы поднялись ему навстречу и хотели представиться, но он подошел к нам, улыбнулся и произнес: “Я помню вас”. Затем он обнял меня, повернулся к Нане, взял ее руки в свои и сказал:

“Мы собираемся помочь вам пройти через это”. Он произнес слово “Мы” так, что у нас не осталось никаких сомнений, Кого он имел в виду. Он попросил нас взяться за руки и сказал, что Господь наделил его руки умением, и вложил мудрость и знания в его голову. Затем мы вместе помолились. Прикосновение № 2.

После того, как несколько тестов, проведенных в его офисе, подтвердили диагноз доктора Эдвардса, он прокатил коляску с

Наной прямо в госпиталь через туннель, соединяющий его офис с больницей. Он попросил своего ассистента, Роба, чтобы Нане приготовили палату, и к тому моменту как мы пришли в госпиталь, все уже было готово. Он провел с нами больше часа. Перед тем, как уйти в свой офис, он убедился, что для Наны будет сделано все возможное. Нана хотела чтобы он был ее лечащим врачом. Операция должна была происходить в Джоплине, и она также хотела, чтобы ее хирургом был доктор Грэхам. Из-за проблемы с сердцем, легкие Наны были наполнены жидкостью, и она провела одиннадцать дней в больнице, набираясь сил, пока они откачивали из легких воду. Ноа, когда доктор Эдвардс рассказал о ее проблеме, она спросила его, может ли это подождать, и можно ли об этом позаботиться, пока мы с твоим отцом будем на рыбалке. Ты видишь, она чувствовала себя хорошо и каждый день занималась в спортзале. Несмотря на то, что она прекрасно знала, какой опасной может быть застойная сердечная недостаточность, она не хотела, чтобы мы откладывали из-за нее свою поездку.

За неделю до операции Нана вернулась домой. Твоя мама и отец приехали из Миннеаполиса, чтобы быть рядом. Нана сохраняла спокойствие с того самого момента, когда доктор Эдвардс сообщил ей новости... я же не находил себе места. Ни один из нас не думал, что она переживет эту операцию. Ее сердце было увеличено, из-за того, что ревматическая лихорадка, пережитая в детстве, повредила ей митральный клапан. Каждое утро я начинал с посещения госпиталя, в котором находилась Нана, где я проводил примерно час, а затем шел на работу. В офисе я был не работоспособен. Первую ночь, которую Нана провела в госпитале, я вынужден был спать один. И это практически доконало меня. Позвонил друг. Он знал, каково мне. Через десять минут он сидел рядом со мной на кухне под одиноко горящей лампочкой. Нана никогда не оставляла дом без света, я же не хотел, чтобы без нее лампочки горели. Мы проговорили примерно с час (спасибо тебе Джей). Я отправился спать один, без Наны, думая, что возможно, так будет всегда.

Спустя день и такую же ночь, подобно последней, я понял, что офис вряд ли поможет мне забыться, и решил отправиться домой - постричь газон. В это время я уже не кричал на Бога. Тогда я просто молился, чтобы Господь даровал силы Нане и мне принять Его волю "Да свершится воля Твоя". Я знал, что молюсь за Нану, но все равно сходил с ума. Я не мог отогнать

мысль о том, что та, кого я люблю больше всех на свете, мой лучший друг, умрет от той же самой болезни, что унесла нашу дочь десять лет назад.

Было необычно жарко. Подстригая траву, плача, я молился за нас. Я страшно вспотел и слезы настолько залили мое лицо, что я чувствовал, будто нахожусь под водой.

Во время молитвы, я вновь услышал голос, который я знал и любил. Он прервал мою молитву, сказав: “В любом случае это будет победа. Если она умрет, то будет рядом с Христом, Если она будет жить, то Христос будет рядом с ней”. Тот самый покой, что снизошел из рук Наны десять лет назад, вновь наполнил меня. Мои слезы превратились в слезы радости за нас двоих. Все эти дни, проведенные Наной в госпитале и всю последнюю неделю, которую она провела дома, мы старались проводить как можно больше времени вместе. Мы дурачились и смеялись вместе. Мы вместе плакали и молились. Мы приносили утешение друг для друга. Прикосновение №3.

На этот раз, нас не так то просто было выбить из седла. Нане дали наркоз, но она еще оставалась в сознании, когда мы достигли той точки в холле, где ей нужно было поворачивать в операционную, а мне возвращаться в комнату ожидания. Я остановил каталку, наклонился, сказал Нане, что люблю ее и поцеловал. Доктор Грэхам был в холле, когда я спросил медсестру, может ли Нана взять с собой то, что было у меня в руке. Я знал, что она не могла надеть это на шею, как ожерелье; ее грудь вскроют и сердце ее будет находиться сверху, когда они станут менять один и ремонтировать другой митральные клапаны. Доктор Грэхам позволил мне передать Нане амулет на счастье, и медсестра приклеила ее к ноге Наны. Это был серебряный кельтский крестик со словами: “Да исполнится воля Твоя” и знаком рыбы, выгравированным поверх них. Десять лет назад Нана сказала мне эти слова, давшие утешение и силу продолжать жить, после того, как Кристины не стало. И эти же самые слова будут с Наной на протяжении всех пяти часов операции и двух дней интенсивной терапии. Я думаю, что Нана до сих пор хранит этот крестик: возможно, однажды, она подарит его тебе.

Так что, Ноа, вот это и есть милость Божья.... Иногда ее легко разглядеть, но в большинстве случаев она хорошо спрятана. Но независимо от этого, она есть - прикосновение любви, посланное нам самим Господом. Когда я пишу эти последние строчки, я знаю, что твоя мама снова беременна. Этой осенью

у тебя появится маленький братик или сестричка. Прикосновение любви продолжает свою работу. Все, что я знаю, это то, что прикосновение любви меняет все, что я будто бы я знаю.... за исключением одной вещи: Бог любит тебя, Бог любит меня, Бог любит всех нас одинаково и милости его достанет всем.
ДА ПРЕБУДЕТ С ТОБОЙ БЛАГОДАТЬ ЕГО СЕЙЧАС И ВО ВЕКИ ВЕКОВ, АМИНЬ.

Матфей 11: 28-30 “Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко”.